

Цена 50 коп.
А. Безыменский
СТИХИ
мобилизованы
Отчет о работе
на
Сталинградском трактор
Вторая книга отчето

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

СТИХИ МОБИЛИЗОВАНЫ

ОТЧЕТ О РАБОТЕ
НА СТАЛИНГРАДСКОМ
ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ

КНИГА ОТЧЕТОВ ВТОРАЯ

28 АПРЕЛЯ—28 МАЯ
1931 ГОДА

Пусть одни
не имеют ответа,
У других
есть ответ боевой.
И писателя и поэта
двинь немедля
в сегодняшний бой!

(РЕЧЬ НА XVI с'езде ВКП(б)
4 июля 1930 г.

МОБИЛИЗУЙСЯ, РАПП!

(Из „Письма к товарищам")
Август 1930 г.

МОБИЛИЗУЙСЯ, РАПП!

(Из письма к совещанию поэтов)
Январь 1931 г.

МОБИЛИЗУЙСЯ, РАПП!

(Из речи на рабселькоровском совещании)
Февраль 1931 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП (б) „ПРАВДА"
МОСКВА—1931 г.

Уполномоченный Главлита № В—4842 Зак. № 1255 Тираж 25.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Нам нужна боевая литература, которая бы живо откликалась на боевые вопросы социалистического строительства, которая бы ежедневно мобилизовала массы вокруг задач осуществления генеральной линии партии.

«ПРАВДА» от 19 апреля 1931 г.

Посвящаю эту книгу, посвящаю опыт работы поэта на предприятиях социалистической страны — ударникам, призванным в литературу.

РЕЧЬ НА 6 ВСЕСОЮЗНОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ.

Одним из любимейших занятий дворянских писателей в промежутки между поездками в Париж, Петербург или в родовое имение было воспевание того персонажа, который известен в литературе под именем «рюсский мюжик». Крепостной крестьянский труд, наемный подневольный труд крестьянина, «многотерпеливые» страдания крестьянина над одинокой полоской, забитость крестьянской России, «хлебающей лаптями щи», индивидуалистическое одиночество крестьянской избы, сопровождаемое «мирскими» драками и разгулом,— все это служило им предметом поэтического умиления. «Расеюшка-Русь» — вот знамя их высокохудожественного лицемерия и классового самосознания, которое повелевало им, по эпиграмме Пушкина, то явно, то скрыто воспевать «необходимость самовластья и прелести кнута».

В настоящее время традицию воспевания всего того отвратительного, что создавало нищету и забитость крестьянина, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова, поэты, которые прикрываются некоторыми напудренными под марксизм критиками, поэты, которых я не могу иначе назвать, как стихотворными мертвецами.

Мы, пролетарские писатели, сыны партии, мы пролетарские писатели, сыны класса, ведущего за собой миллионы крестьянства, мы об'являем жесточайшую войну кулацким идеологам «Расеюшки-Руси» (Аплодисменты). Против «Руси», за СССР, создающий мощной социалистической индустрией и совхозными и колхозными потоками величайшую поэму переоборудования лица земли и сердец крестьянства! Совхозы — основа, прообраз индустриализации земли, колхозы — столбовой путь крестьянства к социализму, ежедневная борьба за них, ликвидирующая кулачество как класс,— вот пути нашей общей работы. Величайший исторический смысл заключен в одном из положений доклада, что отныне бедняк, идущий против колхоза, перестает быть опорой советской власти. И поэтому-то большой исторический сдвиг означает, казалось бы незначительный факт переименования братского нам отряда литературы — Союза крестьянских писателей — в Союз пролетарско-колхозных писателей.

В свете задач борьбы за генеральную линию партии, в свете задач индустриализации страны, в свете задач борьбы за совхозно-колхозный путь провозглашаю я и с этой трибуны лозунг мобилизации пролетарской литературы на третий, решающий год пятилетки. (Аплодисменты). Кое-кем и кое-где этот лозунг был встречен издевательскими замечаниями. Но я думаю все-таки, что этот лозунг пробьет стены литературного бюрократизма и обеспечит работу пролетарских писателей, а рядом с ними — пролетарско-колхозных писателей (работу, увлекающую близких нам попутчиков), работу большевистскими темпами, большевистским размахом, вместе с вами, рядом с вами, героическую работу по завершению постройки фундамента социалистической экономики в нашей стране. (Аплодисменты).

Товарищи, кулацкая «Расеюшка-Русь» не скоро сдастся. Это она на Балахнинской бумажной фабрике положила лом в конвейер, благодаря чему сломались ножи дроворубки. Это она держится за полоску и «лелеет» васильки на полях,— этих, как я уже сказал однажды, сорняковых фашистов земли. Это она против коллективизации и всеобуча. Это ей — упорная ненависть и жестокая война! Ибо успехи наши, успехи Союза ССР, будут измеряться степенью ликвидации образа того врага, которого заключает в себе понятие «Расеюшка-Русь».

— Расеюшка-Русь! —
Повторяю я снова,
Чтоб слова такого
не вымолвить
ввек.
— Расеюшка-Русь!
Растреклятое слово
Трехполья,
болот
и мертвеющих рек.

Страна
расправляла
фабричные крылья,
И все ж
воспевал
стихотворный мертвец
Овчинную глушь
избяного бессилья
И чересполосицу
Нив и сердец.

Страна!
Покажи им

всю силу лавины!
Раздавим
ударом
фабричной пяты
Поэтов соломы,
лаптей и мякины,
Молившихся
Язвам
твоей нищеты.

Ее,
нищету,
мы не всю побороли,
Но заново строится
наша страна.
Растет
на просторах
российского поля
Индустрия хлеба,
Заводы зерна.

Заводы зерна!
Неизведанной темы
Невиданный смысл,
небывалая ширь.
Комбайные буквы
совхозной поэмы
Читает,
дрожа,
костенеющий мир.

Поэму совхозов
советские люди,
Как приговор Западу
Могут
прочесть.
Вчера
большевик
нам сказал:
— Это будет!
Сегодня
Союз
говорит:
— Это есть!

(Продолжительные аплодисменты).

Но эта поэма —
пока предисловье
Грядущих
страниц
обновленной земли.
Колхозною явью,
колхозною новью,
Колхозною жизнью
Поля расцвели.

И тот,
кто вчера
по помещичьей воле
Над страдной полоскою
Гнул свой хребет,
Сегодня
на тракторе
выехал в поле
Рабочим земли
и хозяином лет.

Машина!
Ты будешь ручищею нашей.
Тебя посылает
Советский союз
Водителем
большевизации пашен,
Работы,
и темпов,
и мыслей,
и чувств.

Межи на полях!
Вот фашистское знамя.
«Полоска — моя!» —
Вот опора врагов.
Советский союз
громозыми боями
Раздавит межи
на полях,
меж полями,
Межи
между селами
и городами,
Под стягом
воинственных
ленинских слов:

«Сухаревка» закрыта, но страшна не та «Сухаревка», которая закрыта. Закрыта бывшая «Сухаревка» на Сухаревской площади, ее закрыть не трудно. Страшна «Сухаревка», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту «Сухаревку» надо закрыть...».

(Ленин. Речь на VIII всероссийском с'езде советов).

Страной индустрии,
    республикой тока,
Страною
    совхозно-колхозных полей
Закончена будет
    к намеченным срокам
Поэма
    строительства
        дней и людей.

«Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы это сделаем, у нас пойдут такие темпы, о которых мы сейчас не можем и мечтать».

(Сталин).

Огня большевизма
    никто не остудит,
И мощи его
    никому не учесть.
Когда
    большевик
    говорит:
        — Это будет!
то, значит,
    мы можем сказать:
        — Это есть!

(Продолжительные аплодисменты)

Мы воды пленили.
    Мы сдвинули горы.
Мы — сила,
    которую звал Архимед.
Советская власть —
    Это точка опоры.
На ней
    большевик
        повернет этот свет.

В ручищах Союза,
у партии,
класса
С неистовым ужасом
видит наш враг
Рычаг Днепростроя,
Урало-Кузбасса
И грозный совхозно-колхозный рычаг.

Мир подлого рабства,
мир грязи и крови
Ухабами кризисов
к смерти идет.
А мы
налиты
большевистским здоровьем
И бодро
встречаем мы
каждый наш год.

Советский пример
все народы пробудит.
Мы —
юности жизни
могучая весть.
Сегодня
мы здесь
говорим:
— Это будет!
Рабочие мира
ответят нам:
— Есть!

(Бурные продолжительные аплодисменты).

15 марта 1931 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА.

С первой же минуты включения в работу на Тракторном — ознакомление с узловыми пунктами и проблемами производственной и общественной жизни предприятия. Система хозяйственного руководства, планирование, учет, партком, профсоюзы, комсомол, кооперация, коммунхоз. Заводоуправление, ИТР, цех, отделение, пролет, станок. Все это пока в основном, в главном, в решающем. Даже осмотр завода на после, на вечер, так как уже теперь, вот сейчас, вот сию минуту, ждут три бюллетеня «Правды» (в трех основных цехах) и газета «Правда — Даешь Трактор». Пока дашь разгон, тут же над пустить в ход опыт и запас прежней работы, лозунги, шапки, первые стихотворные эпиграммы. Попутно узнаешь, что папиросы и спички в заводе не продаются — значит, наклейки на коробки придется заменить чем-нибудь другим. Но есть типография, крупнее и мощнее, чем ножные шарманки единственной американки в Днепропетровске или в Балахне,— следовательно листовки обеспечены.

План выпуска тракторов не выполняется. Элементарного предвидения нет. Налицо погоня за деталями, толкачество, как система. Массовой работы нет. Прогулы огромны. В день 3 мая в одном литейном гуляют 213 человек. Брак невероятен, при чем виновников его обнаружить нельзя, так как закрепления за станками нет, полная обезличка брака. Великолепные станки часто ломаются. Есть случаи пьянки в цехах. Профсоюзное руководство хромает на п р а в у ю ногу. Т р и д ц а т ь процентов рабочих литейки — не члены профсоюза. В раскачке масс профсоюз участвует меньше всего. В комсомольском завкоме явные признаки спячки. С е м н а д ц а т ь пунктов повестки дня завкома — и ни одного производственного вопроса. Элементарные заботы о быте и отдыхе рабочего отсутствуют со стороны коммунхоза. Невооруженным глазом видны безобразия в работе кооперации — но надо подобраться, разузнать, выведать. Единоначалие еще не проведено на деле. Дисциплина низка чрезвычайно. Учет работы своеобразен до нельзя. Любой рабочий свободно может повесить номер прогульщика — никто и не заметит. Больше того. Обнаружены истинные чудеса. Никто не уди-

вится, если узнает, что при такой системе учета на табеле висит 215 номеров, а налицо в цехе 192 рабочих. Гораздо удивительнее тот факт, что на работе были обнаружены 61 рабочий, а номеров висело 40. Казалось бы, при уходе с работы номеров должно было не хватить. Однако после смены осталось висеть 20 номеров. Очевидно, никто на номера внимания не обращал. Все равно зарплату выпишут!

Но заводской партком мобилизован. Бригада «Правды» приступила к работе, наметив основные пункты наступления. Рядом в комнате мобилизуются ударники «Правды». Бригада горкома партии на местах. Обращение путиловцев глубоко всколыхнуло рабочих Сталинградского тракторного. В цехах подлинный героизм отдельных ударников, целых бригад, пролетов, отделений. Возглавить, организовать, планировать, повести — вот задача.

Участвуя с бригадой «Правды» во всех ее начинаниях, в решении всех вопросов, встававших перед ней, в рейдах, обходах, беседах, заседаниях, выступая в горкоме партии, на профсоюзной конференции, на комсомольских собраниях, в цехах, мобилизуя литкружковцев, пионеров, затейников, агитбригаду и т. д. до бесконечности, нужно было решать свою специфическую задачу служения оружием художественного слова делу ликвидации прорыва, делу победы тракторного, ставшему делом всей страны.

Провозгласив лозунг мобилизации пролетарской литературы на третий год пятилетки в письме к производственному совещанию поэтов, с трибуны всесоюзного рабселькоровского совещания и трибуны VI всесоюзного с'езда советов, мобилизовавшись сам с января, в осуществление лозунга, продолжал я работу на Сталинградском тракторном заводе, который явился уже третьим местом работы по ликвидации прорывов в 1931 году. Применяя и продолжая опыт поэтического наступления, в основном включенный в книгу «Стихи делают сталь», участвуя ежедневно в течение месяца в газете тракторного и в трех бюллетенях «Правды», хотелось мне найти какую-нибудь особую зацепку, чтобы опыт обогатить, чтобы найти еще какую-либо форму участия стихов в борьбе за трактор.

Случайная встреча с медлительным, важезатым, грузным животным,— как показалось мне, смеющимся,— решила вопрос. Так появился на тракторном заводе верблюд.

1
ПОХОЖДЕНИЯ ВЕРБЛЮДА

ЧТО ГОВОРИЛ ВЕРБЛЮД

Уж я выдумывать не буду.
Я не хочу вас обмануть.
. . . .
Однажды встретил я верблюда,
Смеявшегося весь свой путь.

Я изумился. В чем причина?
К чему тут смех? Чему он рад?
Он вез бидоны керосина
Для тракторного в Сталинград.

И я сказал ему: — Ты весел,
А плакать бы тебе пора.
Ты на пощаду не надейся!
Тебя заменят трактора.

Страна крепчает год от году
И правды я не утаю:
Везя горючее заводу,
Ты, братец, возишь смерть свою!

Верблюд скосил глаза налево
И фыркнул сколько было сил.
Без капли горечи и гнева
Он хохоча проговорил:

— Я умер бы не по охоте,
Но сталинградцы непричем.
Хо-хо! При эдакой работе
Еще мы долго проживем!
. . . .
Дзержинцы! Видно, дело худо.
Послушайте слова Москвы:
— Себя не постыдились вы —
Уж постыдились бы верблюда!

WHAT THE CAMEL SAID.

I don't invent, I'm not a lier
believe or not but it is true.
I saw once how a big tall camel
was laughing all his long way thru

I was surprised. What is the reason?
Why does he laugh? He's glad! Oh, boy!
He pulled the cans all full of fuel
From Stalingrad to Traktorstroj.

And then I told him: „You are happy!
But Jesus Christ; You should be blue.
Don't look for mercy Soon our fractors
will do the job you now do.

USSR is getting stronger
and I'll say if you can't guess.
In pulling fuel cans for tractors
you are preparing your own death!!!

The camel looked at me sarcastic
and spet aside. He was not mad.
Without a bit of pain or anger.
he burst out laughind and he said:

But I don't want to die, my brother,
I will survive this idle plant.
If they'll work as much as they do
I'll live so long as I shall want.

* *
* •

So comrades, mind please what you do,
Don't let a camel laugh at you!

„Industrial spark"
Приложение к „Даешь Трактор".

Успех первого появления верблюда подал мысль начать серию похождений верблюда на тракторном. По общему согласию верблюд был направлен на завод «Красный Октябрь», доставляющий тракторному сталь и переплавляющий бракованные изделия. Под каждым путешествием верблюда ставилась подпись «стенографировал речь верблюда А. Безыменский». Немедленно же после напечатания в газете похождения верблюда печатались отдельной листовкой.

РАЗГОВОРЫ ВЕРБЛЮДА.

Со смехом в очи ваши глянув,
Я вам о новом расскажу.
Ты часто не увидишь ржу,
А ржа с'едает великанов.

Совсем недавно я,— вчера лишь,—
Побыл на «Красном Октябре».
И там увидел на дворе
Невероятнейшую залежь.

Болты, валы, цилиндры, блюки
Горою свалены в песок...
И вдруг услышал я жестокий
И озлобленный голосок:

— Верблюд! Смешливая чертяка!
Тебе — надежда, нам — беда.
Нас с тракторного шлют сюда
На переплавку, в виде брака.

Меня, отделанную раму,
Уже покрасили совсем.
Вдруг брак — и вот уже я ем
Поставленную нам программу...

— Брось, рама! С каждым новым часом
Все тяжелее мне, дружок.—
Заговорил густейшим басом
Лежавший рядом грузный блок.

— Коммунистическое слово
Даю, что годен я, друзья,
Но по халатности Панкова
Сюда на свалку послан я.

Я-б кулаком отправил ноту
Тому, кто производству враг.
Ведь часто брак дают в работу,
А годных отправляют в брак.

— Людские головы не ковки,
А им бы молот приберечь! —
Сказали яростно головки
От всех цилиндров, давших течь.

— Ты блок, пожалуйста, не хвастай.
Ведь ты не переплюнешь нас.
На «Красном Октябре» мы часто!
Мы, в общем, здесь трехсотый раз.

На «Красном Октябре» нас плавят,
На тракторном головки льют,
Немедля на станок поставят,
Вновь брак — и все мы снова тут.

Детали все пришли в движенье.
Был черен гнев,
песок был желт...
— Товарищи! Есть предложенье! —
Вдруг прокричал задорный болт.

— Вопрос пора поставить смело,
Позор вредителям труда!
Пусть тракторные бракоделы
Придут экскурсией сюда.

Рабочие и контролеры
Пусть поглядят на нас живых
И пусть горят огнем позора,
Увидев дело рук своих.

Сюда мы приведем их властно —
И грянет гневная гроза.
Голосовать пора.
Кто за?

Все!
Принято единогласно.

. . . .

Я кто?
Верблюд!

Но мне однако
Пока не страшен ваш вопрос.
И вот сюда я сам привез
Шумливых делегатов брака.

Страна героями богата,
Но сталь подчас имеет ржу...
Итак: примите делегата,
А что случится,
Я, ребята,
Об этом после расскажу.

Значительная часть рабочих тракторного живет в Сталинграде. Сообщение между городом и заводом поддерживают поезда, автобус и трамвай. Но сталинградский трамвай являет картину безотрадную. Редкий день обходился без аварий. Таких трамвайных очередей нигде увидеть невозможно. Московская нагрузка трамвая — сущие пустяки в сравнении с нагрузкой сталинградского. Листовки нижеследующего верблюда распространялись заводскими пионерами среди пассажиров трамвая, были наклеены на трамвайные окна. У остановки повешен был щит с текстом.

СОСТЯЗАНИЕ ВЕРБЛЮДА С ТРАМВАЕМ.

Мы целый год не вылезаем
Из аварийных цепких пут...
. . . .
Однажды рядышком с трамваем
Шагал смеющийся верблюд.

Ему кондукторша сказала:
— Ты очень медленно идешь.
Садись! Под'едешь мало-мало,
С тебя возьму я только грош.

Верблюд ответил: — Ты нахалка!
Я знаю цену и грошу.
Своих костей
мне очень жалко.
А во-вторых...
ведь я спешу!

РАЗГОВОР ВЕРБЛЮДА

о единоначалии и дисциплине.

Я так люблю смеяться сладко,
Смеяться, право же, не грех...
Сегодня заглянул я в цех,
Где что ни день, то неполадка.

Я враз к рабочему с приветом:
— О, ты, кто строил новый мир!
Скажи мне, кто виновен в этом?
Тот отрубил мне:
— БРИГАДИР!

Я к бригадиру. С дикой страстью
Он прокричал мне свой ответ,
Что, как всегда, виновен
МАСТЕР
И что других виновных нет.

— Везде подрыв! Везде помеха! —
Ответил мастер в тот же миг.
— Виновен кто?
НАЧАЛЬНИК ЦЕХА!
Я это сразу же постиг.

Начальник цеха мне любовно
Ответил, застегнув пальто:
— АДМИНИСТРАЦИЯ виновна!
Она — и более никто.

Я громко засмеялся снова,
Ведь я и тут увидел ржу...
Решил я: — не пойду к Грачеву.
Побуду в цехе. Погляжу.

И я бродил, давясь от смеха,
И я увидел через час,
Как мастеру
                                        НАЧАЛЬНИК ЦЕХА
Давал суровейший приказ.

Ему поддакнул мастер сразу,
И, показав ударный пыл,
Весьма одобрил мысль приказа,
Но выполнить его ЗАБЫЛ.

И снова выпало мне счастье
Увидеть ровно через час,
Как бригадиру
                                        бравый МАСТЕР
Давал суровейший приказ.

Наш бригадир поддакнул сразу
И, проявляя свой закал,
Весьма одобрил мысль приказа,
Но выполнять его НЕ СТАЛ.

А после БРИГАДИР умело
Распоряжался у станка.
Сказал рабочий: — Это дело
Я выполню. Рука крепка.

Но бригадир из цеха вышел.
РАБОЧИЙ хохотнул в кулак
И продолжал работать так,
Как будто ничего не слышал.

Над этим посмеявшись сладко
(Верблюдам хохотать не грех!)
Я понял, что такое цех
И что такое неполадка.

А после смены, поздно ночью,
Заспорив о прошедшем дне,
Начцеха, бригадир, рабочий
И мастер
          подошли ко мне.

Один промолвил: — В чем причина?
Я сути дела не пойму.

Верблюд,
    скажи нам,
        почему
Так низко пала дисциплина?

Они, промолвив это слово,
Стояли, горестно скорбя...
Воззрился каждый
    на другого,
Совсем не глядя
    на себя.

THE CAMEL TALKS ABOUT DISCIPLINE

My friends, I am so fond of laughing,
I like a joke, I'm very gay
To day I went into a shop
Where troubles happen ed every day,

I asked a worker with a baw
—, Oh, thou, who buildth the world, my dear,
Tell me whose fault it is" The latter
Declared briefly: Brigadeer:

I went to him and he with passion
Responded loudly like a bell:
— „The foreman's fault it is, he's guilty
I know no more; and go to hell!"

— „A lot of shortages! Disorders!
The foreman told me If you please
I'll tell you that our dear old super
Should be responsible for this,

I understood him very clearly
But asked again with a sore throat
„Administrations fault! he told me
And buttoned his heavy coat.

I burst out laughing. Friends I saw there
The rust again. And so I thought
Cracheff can't help me. It is better
To see myself and make a note.

I strolled there choking with loud laughter
And in an hour I heard... well... stop!
The Brigadeer was given orders
By the old super of the shop.

The brigadeer consented quickly
He wanted to correct his fault
But in a minute he got colder
And in the next one he forgot.

Oh, I was lucky. In an hour
I heard again. The brigadeer
Was given order by the foreman
That order was the most severe.

He nod his head with affirmation
He knew the foreman was quite right
But after being long discused
That order was then Put Aside.

* *
*

The camel laughed with all his heart
He sniffed thru his big nose
And only then he understood
What all the trouble was.

But at the third shift late at night
Discussing all that passed
They came to camel in a band
And asked him brief and fast:

— Well, camel, tell us all the truth
What does this all here mean
That in such a Gigantic plant
So low the discipline???

They stood in silence, they could not guess
It was for them unknown.
They saw each otlher's fault clear well
But did not see their own.

„Industrial spark".

7-го, 8-го и 9-го мая программа выпуска тракторов была выполнена. Сильнейшая атака на неполадки, суровая ответственность, разворачивание массовой работы начали сказываться. Однако, заводские сутки начали изо дня в день перегонять солнечные. Заводский день программы кончался в два три часа дня, а то и позже. К тому же отдельные дефекты выпущенных тракторов задерживали их отправку. Кстати, обнаружилась неожиданнейшая вещь. Завод, расположенный на берегу Волги, имел простои из-за отсутствия воды. Тратя тысячи золотом, не догадались истратить сумму на приобретение простых насосов. По этому поводу в бюллетене было отмечено:

«Правда» не будет раздумывать долго.
Бей по виновникам нашей беды!
Люди сидят по горлю в Волге —
И требуют воды.

Но гораздо серьезнее был вопрос о качестве выпущенных тракторов. Так появился

ВЕРБЛЮД-САМОУБИЙЦА

Еще мне долго жить осталось,
Но все ж прозят мне трактора.
Я признаюсь вам, что вчера
От страха я подвыпил малость.

Я водки отроду не пью,
Мне вкус вина всегда был гадок.
Но разгильдяйский ваш порядок
Подействовал на жизнь мою.

И вот — качается земля.
Тоска сильна и мысли горьки.
Выписывая вензеля,
Пришел я к рапорту на сборке.

— Ой, люди! Черти! Караул!
О, помоги, верблюжья мама!
Ведь выполнена вся программа!
Как за три дня завод шагнул!

— Верблюд! — кричал я.— Ты тупица!
Ты сам смеялся над собой.—
Заплакал я от мысли той
И тотчас же
                    решил топиться.

Ругая смерть на все лады,
Я дико бегал по заводу.
По всем цехам искал я воду...
Но всюду не было воды.

В заводе не добившись толка,
Я вспомнил, что мой гроб готов,
Что тут же рядом, у цехов,
Течет разлившаяся Волга.

Вперед! Мне люди не нужны!
На плаху? Что-ж! Иду на плаху...
Но тут
                    я налетел сразмаху
На трактор, стывший у стены.

Я шлепнулся.— О, что б ты помер!
Чего стоишь ты дураком? —
Но, подымаясь,
                    я мельком
На тракторе увидел номер,

Я замер... Солнце! Солнце дня!
Что видел я? Нет, нет! Не верю!
О, неужели,
                    хлопнув дверью,
Смерть вышла, пощадив меня?

Но цифры — это скандалистки.
Верблюд! Проверь еще сто раз.
Быть может, только с пьяных глаз
Ты этот номер видел в списке.

Ура! Ура! Благая весть!
Нет места розмыслам гнетущим!
Де-юре
Этот трактор спущен,

Де-факто
          процветает здесь.

Он, долженствующий уже
Работать на колхозном фронте,
Стоит спокойно на ремонте,
На забракованной меже.

Верблюд! Смешливая чертяка!
Не бойся смерти, о, верблюд!
Тебя не раз еще спасут
Ударные герои брака.

Ах, бракодел! Ах, милый мой!
Веди свой счет — и что нам войны!
Я отряхнулся
                    и спокойно
Пошел, смеясь, к себе домой.

Безобразия в области отношения к быту и отдыху рабочих бросились бы в глаза любому, обошедшему поселок. Вместо парка — ямы. Вместо яхтклуба — пара обтрепанных лодченок. Клуб — сарай, при чем половина его принадлежит заводу, половина строителям. Поэтому ни те ни другие им не пользуются. Рядом, в городе, опера, драма, эстрада. Но на тракторном ни одного спектакля, выступления, концерта. Пришлось жестоко обрушиться на комсомол и на профсоюзы. Немедленно же надо было поведать, что

ВЕРБЛЮД БРОДИТ ПО ПОСЕЛКУ.

Мой долгий век, видать, упрочен,
Но все ж тоска берет меня.
И в самом деле!
Скучно очень!
Ничем ты не заполнишь дня.

Храпит работа комсомола,
С ним профсоюз наш заодно.
В футбол сыграл бы —
нет футбола.
В кино пошел бы —
нет кино.

Под боком Волга. К черту водку!
Вода и воздух! Вам привет!
Но не найдешь на Волге лодку,
Яхт-клуба нет, купальни нет.

Тенистность парка — это сила.
Деревьев нам! Дай отдых нам!
Но коммунхоз у нас — могила.
Недаром всюду столько ям.

Конечно,

комсомольцев бросив,

Могли бы все мы парк иметь.
Но в лесе мировых вопросов
Деревьев им не разглядеть.

В бараках грязь. В бараках драки.
Где «красные»? Где «уголки»?
Коль мне пришлось бы жить в бараке,
Я удавился бы с тоски.

Конечно,

комсомольцев бросив,

Мы грязь изжили бы сполна,
Но в море чистеньких вопросов
Им грязь в бараках не видна.

Однажды посреди дороги
Лежал разбитый человек,
В повязках корпус, руки, ноги...
Кто бил его? Кто жал? Кто сек?

И задал я вопрос суровый:
— Ты, может быть, под пресс полез?
Ответил он:

Я ИЗ СТОЛОВОЙ!

Там жмут сильней, чем мощный пресс.

Об'ят и я тоскою черной,
А люди? Кто же их спасет?
Недавно в поисках уборной
Обегал я домов пятьсот.

Везде воды нет. Все закрыто.
Ура, нашел!

Но гнев мой **лют.**

Подобной страшной гущи быта
Не вынес даже и верблюд.

Эх, чистота! Красотка наша.
Ты украшенье здешних мест.
Где был асфальт — там ныне каша,
Которая сама нас ест.

А мостовая? О, как сладко
Свалиться мордою в ухаб!
Ведь никакая лихорадка
Сравниться с нею не могла б...

Уже подвечер. Я, понурый,
Бреду на площадь. Меркнет свет.
Здесь должен быть дворец культуры.
Сто тысяч есть — проекта нет.

Я никого бранить не буду,
Но все же это мотовство.
О, неужели, мне, верблюду
Вам рисовать проект его?!

Дано кому-то много денег.
Но где они — большой секрет.
Совсем не привлечен затейник...
Театра нет, концертов нет...

Покрылось небо звездной сыпью...
Гармошка матерится всласть.
Что делать мне?
Пойду-ка выпью!
Ведь столько места, чтоб упасть.

На этом месте создается при заводском парткоме комиссия проверки исполнения мер, вытекающих из заметок верблюда. Кроме того, на заседании горкома партии, где стоял доклад директора тракторного, принято решение в двухнедельный срок построить яхт-клуб, перебросить театр на тракторный, чередуя оперу, драму, концерты, эстраду. Дать кино-передвижки для демонстрирования на открытом воздухе. Усилить строительство клуба — дворца культуры. Через пару дней состоялась конференция физкультурников.

На этом же месте по предложению бригады «Правды» заводком партии утвердил создание «ордена верблюда» для награждения наиболее отстающих цехов, отделений, пролетов, бригад, рабочих. Первый орден постановлено было дать шишельному отделению литейного цеха. Немедленно «орден» был нарисован на огромном полотне художником «Правды» тов. Гр. Розе.

Фанфары агит-бригады тракторного на следующее утро возвестили двум сменам, что в красном уголке литейного состоится передача ордена. Под горестную дробь барабана было произнесено агит-бригадой мое стихотвореное вступление к печальному бытию. Слово предоставлено секретарю цехового парткома. Слово бригады «Правды». Слово другим отделениям литейного. Слово пионеру. В виду спешности задания сам исполняю под гармонь печальные частушки, посвященные шишельному. Запинаясь от горя, принимает орден представитель шишельного. Позор будет смыт. Шишельники подтянутся. Слово начальнику цеха. Читаю стихи. Вручение состоялось.

Впечатление было огромно. Редкие смешки при виде «чудовища» на ордене были задушены негодованием огромной массы. Нельзя передать ни общего, ни нашего волнения, ибо на многих глазах блестели слезы высшего социалистического качества, те слезы, которые создают упорство в стремлении к победе, слезы, которые создают героев.

ПЕРЕХОДЯЩИЙ
ОРДЕН
ВЕРБЛЮДА
ЗА
ПРОГУЛЫ
ЗА
БРАК
СТЗ

ВЕРБЛЮД ОБСЛЕДУЕТ БРИЗ.

Да! Смерть витает надо мной,
Но в жизнь
я не утратил веры.
Так част и густ в среде людской
Обычай мой
характер мой,
Привычка, облик, темп, манеры.

Заводу неполадки — боль,
А мне та боль — всего дороже...
Ну, слушай же...
закурим, что-ль?
Теперь курить я начал тоже.

. . . .

Подмигивая всем хитро,
Я, окруженный дымом сизым,
Шел в похоронное бюро,
Людьми зовущееся БРИЗ'ом.

Я знал, что в БРИЗ'е, всем на зло,
Исчезли темп, напор, вниманье...
Но встреченное
превзошло
Мои надежды и желанья.

Бумаги, папки, пруд чернил!
Исправно выдают зарплату!..
На месте штат.
Но труд и пыл
Тут не положены по штату.

Все то, что за день притечет,—
Проекты, предложенья, темы,—

Бросают в ящик. Их берет
Любой, кому живот — проблема...
Вот эта милая система
И называется «учет».

Пришел рабочий. Мысль живая
В прекрасном чертеже жила,
Но кто-то взял чертеж, зевая,
И положил его в «дела».

Рабочий, видимо, увлекся,
Он верно бил. Он метил в цель.
Но в ОКС из БРИЗ'а, в БРИЗ из ОКС'а,
Чертеж мотался шесть недель.

Рабочий был в себе уверен,
Его проект увидит свет!..
Вдруг грянул вежливый ответ:
Простите-с...
Но чертеж потерян.

Был парень к обмороку близок,
Но БРИЗ утешил: — не робей!
Ты только увеличил список
Трехсот потерянных идей.

... Когда же чья-нибудь идея
Уж очень БРИЗ'у надоест,
Он пишет за один присест
Такую, скажем, ахинею:

«Проект хорош, но мысль плохая»...
«Мысль хороша, проектец плох»...
«Я предлложения не хаю,
Но нет очков, а я оглох»...

И правильно. Не надо риска.
А темп — не надобен вдвойне.
О, знаменитая отписка!
Ты очень помогаешь мне.

Поднялся в массах страшный ропот.
Отчета просят у чернил.
Но БРИЗ, конечно, скрыл свой опыт.
Наш БРИЗ отчеты отменил.

А это зря. Эх ты, зануда!
Ты мог бы лекцию прочесть,
Как надо заработать честь
Ношенья ордена верблюда.

Потери, грубость, волокита...
Отписки есть, контроля нет...

Ведь это-ж, братцы, знаменито!
Ведь это-ж оверблюдит свет!

Я бодро вышел, хлопнув дверью.
Мои дела идут на лад.
БРИЗ гробит предложений клад
И клад рабочего доверья.

. . . .

Но тут я прочитал газету
И от печали занемог.
Иду,
бегу искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству
уголок.

Снята головка профсоюза
И снова избирают БРИЗ...
Растет могущество Союза.
Вот тут, верблюд, и поборись!

Ю, смертный час! Неужто прав ты?
Неужто я тобой влеком?
Ох,
гадит заводской партком
И дерзкая бригада «Правды».

Куда приткнуться мне, верблюду?
Пойду-ка в клуб...
Что за народ?
Изобретатели повсюду.
Их конференция идет...

Но почему размяк я сдуру?
Припомнив хитрости в бою,
Решил я выставить
свою
Верблюжную кандидатуру.

Хорошей взбучки вкус отведав,
Бреду домой, судьбу кляня...
Печален я. Но у меня
Немало преданных полпредов.

Страна сильна... Меня все хают...
Но — поглядим. Крепись, верблюд!
Надежды юношей питают,
Отраду старым подают.

Заводская конференция изобретателей сурово осудила порядки в БРИЗ, произвела соответствующие изменения, приняла совершенно конкретные решения.

ВЕРБЛЮД В ШКОЛЕ ФЗС.

О детях поведу рассказ...
Цветочки жизни! Дети! Дети!
На красном сталинградском свете
Ну и садовнички у вас.

Я не люблю детей. Однако,
Я правду говорить привык.
Три темных и сырых барака
Отведены им под цветник.

Чуть капнул дождик — плачут стены.
Морозы люты, ветры злы...
А так как дети все малы —
То занимаются в три смены.

Шесть групп совсем погнали прочь.
Их поместили в фабзавуче,
Который, чтоб детей не мучить,
Отвел им для занятий ночь.

Две мастерские дали школе,
Но оборудовали так,
Что безобразной этой доли
И я не вынес бы никак.

Политехнизм — основа быта.
И вождь слесарной мастерской
Болванит по системе ЦИТ'а:
«Тяп ляп — кораль! — И чорт с тобой».

Здесь практика, конечно, в моде,
Но к детям не такой подход,
Для этой практики в заводе
Их не пустили на завод.

Завод вам надо знать глубоко,
Но мысль дирекции крепка:
«Познай поток, но вне потока,
Пойми станок, но без станка».

Соцдоговор со школой — вреден
(Ведь столько дела на земле!).
Его держал товарищ Федин
Четыре месяца в столе.

Искала ребятня защиты
У профсоюзных крепких скал.
Но профсоюз без волокиты
На этот договор начхал.

«Политехнизм — не дело профсоюза»,—
Сказал им Малиновский вмиг.
(Ему по сердцу только крик,
А мысли для него — обуза).

Врать Малиновскому не буду.
Он — пулон, голова — пуста...
Я наградил бы это чудо
Не мощным орденом верблюда,
А орденом
«ВЕРБЛЮЖЬЕГО ХВОСТА».

Две школы обещали строить
(Ждет умной смены вся страна),
Но, чтоб людей не беспокоить,
Пока что строится одна.

А строят так, что очень редко
Знал эти темпы и верблюд.
Ну, что-ж? На третью пятилетку,
Быть может, стены возведут.

Здесь летом жарко... Тучи пыли...
Поэтому и двух рублей
Цветам земли не отпустили
Для пионерских лагерей.

Со мною пионеры грубы.
А потому я очень рад,
Что нет у пионеров клуба.
Ведь в здешнем комсомоле спят!

Ну-с, пару слов о комсомоле,
Ему мой орден — в самый раз.
Он так заботится о школе,
Что...

. . . .

Впрочем, кончу мой рассказ.

Все это радостные вести,
Плохая смена — мне лафа!
Но стихотворная строфа
Ломается на этом месте.

Все большевистское кляня,
Я школу проклинаю тоже.
Противны мне ребячьи рожи,
Но вот что мучает меня:

Ведь я отец,
                    И с сердцем сжатым
Я думаю, бредя в барак:
— ЧТО,
     ЕСЛИ-Б ОТНОСИЛИСЬ ТАК
     К МОИМ БЕСЦЕННЫМ ВЕРБЛЮ-
                              ЖАТАМ?

Постановлением горкома партии установлены жесткие календарные сроки стройки и завершения стройки школы. Распоряжением соответствующих организаций занятия ночью были отменены. Поставлен вопрос о переоборудовании мастерских и об изменении системы преподавания в них. Попутно решен вопрос о пропусках для пионеров в цеха (кроме литейного) для общественной работы. После выступления моего об опыте работы пионеров на заводе Петровского и после получения письма от пионеров московского завода им. Дзержинского, пионеры тракторного мобилизовались, оставив далеко позади себя комсомол. Устраивались демонстрации, разбрасывались листовки, «пионерский счет», лозунги, номер газеты. Писались на дом прогульщикам письма. На станках, на домах, в квартирах, на улицах развешивались плакаты и т. д.

Громовые речи на собрании комсомола в городе об отставании руководства заводского комсомола от энтузиазма и напора масс — не подействовали. Отдельными работниками бригады «Правды» был написан план работы завкома по пятидневкам, по дням, цехам, отделениям, пролетам, бригадам. Но даже это не помогло. Сдвига не было. На заседании горкома партии в упор поставил вопрос о снятии руководства комсомола во главе с секретарем, тов. Садиковым. Одновременно бригада «Правды» обратилась с открытым письмом к ЦК ВЛКСМ об усилении тракторного, при чем отмечено было, что «Комсомольская правда» ни слова о тракторном не дает. А завод на 64% молодежный. Собрание по случаю трехлетия комсомола тракторного, собиравшееся почему-то в городе, провалилось. Все это вместе взятое повело к тому, что была застенографирована

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕЧЬ ВЕРБЛЮДА НА НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СОБРАНИИ КОМСОМОЛА, ПОСВЯЩЕННОМ ЕГО НЕСОСТОЯВШЕМУСЯ ТРЕХЛЕТИЮ

Лежу, страдающий, на койке....
Эх, вспомнил я, весь мир кляня,
Как ежедневно бил меня
Ваш комсомол во время стройки!

Он просто не давал прохода.
Как вдарил — так трещат горбы...
Я ждал конца своей судьбы
От комсомолии завода.

Но час настал — завод пустили.
Взошла заря верблюжьих дней!
Я в комсомолии твоей
Теперь в почете! В славе! В силе!

Меня она не поборола.
А, ну, пощупай-ка, пострел!
Ведь как шикарно разжирел
Я в заводкоме комсомола!

Теперь неважные дела.
Конечно, есть еще прорывы.
Но если вы, что надо, живы,
Судьба верблюда умерла.

Мои надежды захирели.
Заводом темп могучий дан.
Он выполнил программный план
За две последние недели.

Пока что выхода мне нет.
Но в комсомольском заводкоме
Всегда имею, я, как в доме,
Тепло и ласку и привет.

Ведь там я — истинная сила!
Легка моя верблюжья кладь!
«Сама садик я садила,
Сама буду поливать»....

Живет ваш комсомол три года.
Ну, — думаю, дела на лад.
Я приготовлю им доклад
О комсомолии завода.

Чтоб подготовиться к докладу
И комсомолу дать пути,
Решил я тотчас же пойти
В цех
в комсомольскую бригаду.

Я думал: — Мне в завкоме сладко,
Так, значит, я найду везде,
В привычках, в темпе и в труде,
Мое лицо, мою повадку.

Но только лишь я в цех вошел,
Я вздрогнул. Как кипит работа!
О, караул! Бежать охота!
Но двери запер комсомол.

Я, впрочем, как-нибудь бы вылез,
Но комсомольцы — на меня....

И так тузить меня пустились,
Что я не взвидел света дня.

Я крикнул: — Как же вы посмели?
Завком ваш вождь! Он мне знаком!
А те в ответ: — В ударном деле
Не виноват наш заводком!

Я убежал. Но горы бед,
Изведал я в тот день без меры.
Твои галчата — пионеры
Давай мне улюлюкать вслед!

Какая горестная школа.
Я ринулся в завком стремглав...
По лестницам прогрохотав, —
Я — в заводкоме комсомола.

О, чудо! Как у них тепло!
Все медленно,
        спокойно,
                сонно....
Как прежде муха монотонно
Лениво бьется об стекло.

Я понял, что я снова сила
И лег на стол, как на кровать....

Сама садик я садила,
Сама буду поливать.

После приезда бригады ЦК ВЛКСМ во главе с тов. Косаревым и бригады «Комсомольской правды» секретарь был снят, заводком укреплен. В кратчайший срок был осуществлен лозунг «встретить пятитысячный трактор пятитысячным комсомолом». Комсомолия тракторного рванулась в наступление.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КЛУБЕ СТЗ.

(Речь на комсомольском собрании 22 мая).

За сценою, сойдясь тайком,
И обсудив доклад генсека,
Об орденах для человека,
Заспорили
верблюд с клопом.

— Я правлю в сталинградском мире!
Сказал главклоп. — Толпа тупа!
За грязь в бараке и квартире
Нет лучше ордена клопа.

Верблюд в бутылку.
— Ах ты, моська!
Вхожу я властелином в цех.
Один мой орден есть для всех,
А ты свои затеи... брось ка!

— Заткнись, верблюдь! Молчи покуда.
Гляди! Ведь я в бараках пью
Кровь семитысячного люда
И стал,
впервой за жизнь мою,
Размером с доброго верблюда.

— Ах ты, наглец! — верблюд ответил.
— Я сам в бараках стал бывать.
Я лег открыто на кровать —
Меня никто и не заметил.

Видать мой орден в'елся твердо.
Твоя претензия — глупа!
Тут клоп верблюду впился в морду,
А тот рванулся на клопа.

Недолго продолжалась драка.
Верблюд, задумавшись, сказал:
— Чего нам спорить, забияка?
Нам ни к чему такой скандал.

Ведь, право, нет причин для драки.
Пригоден твой
                    и мой размах.
Ты грозно правь себе в бараке,
А я — в конторе и в цехах.

Здесь властвует неразбериха.
Ей следовать не стоит нам.
Прощай, мой друг!

                    И оба тихо
Пошли из клуба по домам.

. . . .

Товарищи! Проснуться надо!
Вопрос я ставлю на-попа:
Пора врагу не дать пощады
И комсомольскою громадой
Бить:
          И верблюда,
                    И клопа.

ВЕРБЛЮД В ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ.

Сегодня, тихий и печальный,
Бредя, не зная сам куда,
Зашел я в цех инструментальный,
Почтительный ко мне всегда.

Земля мне стала «местом узким».
Превышен план в короткий срок
И увеличенной нагрузки
От цеха требует станок.

Я в цифры заглянул несмело
И подскочил до потолка.
Вот это да! Вот это дело!
Верблюжья радость велика.

Ведь цехом сделано так мало,
Что хоть от радости кричи!
Какие к чорту здесь врачи!
Здесь худшей марки коновалы.

Станки на сборке онемели.
А здесь такая сонь и лень,
Что делают за три недели
Все то, что можно сделать в день.

Ура! Мелькают чьи-то пятки.
Семь инструментов! Каждый рад.
Но *пять* из них без пересадки
На свалку.
          в мусор,
                    в брак летят.

Какой-то шут станок зарезал.
Инструментальный дал деталь.
Она стальная,
                    Только *сталь*
Вдруг оказалася железом.

Деталь станка давать начнешь,
Она почти готовой стала.
Вдруг — остановка.
Дуй сначала!
Несут совсем другой чертеж.

И так везде. И так повсюду.
Верблюда разбирает смех.
Счастливый долгий век верблюду
Несет инструментальный цех.

Верблюд отплатит полной платой
Тому, кто план исполнил в срок!
Но тут увидел я станок,
Хороший, Ижевский, «Десятый».

Жестокая верблюжья мерка
Мала! Ничтожна! Дни легки.
Бывают сломаны станки,
А этот просто исковеркан.

Полом «десятого» скандален.
Он дорог мне, такой скандал.
Пришел товарищ Почевалин
И тотчас же станок сломал.

Притом же сам он — не из цеха.
У ФЗУ инструктор он.
Ну хоть спросили бы для смеха
Каким он ветром занесен!

Но зоркости — тут не учили.
Катай! Ломай! Свободен ход.
Без пропуска козла пустили
В инструментальный огород.

Я ухожу, ступая гордо.
В инструментальном я силен.
Так беззаветно жаждет он
Отнять у шишельного орден.

Сужу я правильно о всех.
Я говорю, давясь от смеха:
В ином цеху не без прорех,
А этот цех — одна прореха.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА ДАЕШЬ ТРАКТОР

НА СТАЛИНГРАДСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ.

Ежедневная газета. Орган завкома ВКП(б) и завкома РАТАП тракторного завода.

Среда 20 мая 1931 г. № 107 (...)

ПОД ЗНАМЕНЕМ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ „ПРАВДЫ" ИДЕТ НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Бригады, передавайте лучших героев борьбы с прорывом, передовых бойцов за тракторы—в партию

Классовому врагу ОДИН ОТВЕТ—новые тысячи тракторов на колхозные поля

Пятитысячный трактор встретить пятитысячным комсомолом.

18-го мая собрано 70 тракторов. Сегодня дать 70 машин и 10 комплектов задела

ЛУЧШИХ УДАРНИКОВ— В ЛЕНИНСКИЕ РЯДЫ ВКП(б).

(Постановление бюро ЗК ВКП (б) от 17-V-1931 года о наборе им. „Правды" в партию).

1. Бюро ЗК констатирует, что парторганизация при активной помощи бригады „Правды" добилась значительных сдвигов в постановке массовой работы и мобилизации рабочих на ликвидацию прорыва, на установлении пролетарской инициативы в труде. На этой основе наметился массовый приток передовых ударников в партию, о чем особенно ярко свидетельствует коллективная заявление о вступлении в партию 17 ударников большого конвейера смены тов. Павлова.

2. Учитывая это, бюро ЗК считает необходимым развернуть массовую вербовку в партию лучших ударников, об'явив по заводу набор им. „Правды" в партию.

3. Обязать партячейки цехов [illegible] ускорить темп оформления вступления в партию, добиваясь того, чтобы оформление длилось не больше 3-х дней.

В нашей среде орудует классовый враг.

Вредитель Колесников умышленно испортил станок.

[illegible]

ПРИЗЫВ им. «ПРАВДЫ» В ПАРТИЮ

86 лучших ударников кузницы вступают в авангардные колонны класса.

Ударники кузнечного цеха призыв „Правды" и снятие пятитысячного трактора встречают массовым вступлением в ряды коммунистической партии.

Только за два дня 17 и 18 мая в кузнечном цехе подано 34 заявления о вступлении в ВКП(б).

Молодежь призыв „Правды" также встречает массовым вступлением в ряды комсомольской организации. В комсомол подано 52 заявления.

По кузнечному цеху в партию и комсомол идут лучшие ударники, доказавшие своей ударной работой преданность делу социалистического строительства. Н. В.

ЗА ТРИ ДНЯ

54 ударника сборочного вступили в большевистские шеренги

[illegible]

Сергей.

К 5-ти ТЫСЯЧНОМУ ТРАКТОРУ— все комсомольцами

[illegible]

Ударники и ударницы бригады Волчецкого.

ДОСРОЧНО ДАДИМ ПЯТИТЫСЯЧНЫЙ ТРАКТОР

Мы отобьем охоту у капиталистических борзописцев клеветать на наш завод

[illegible]

Рабочие, бригадиры и мастера первой смены большого конвейера.

ВЕРБЛЮД В ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ

[illegible]

Стенографировал А. Безыменский.

[illegible]

РАСШИБЕМ УДАРОМ БОЛЬШЕВИСТСКОГО КУЛАКА ВОПИЮЩИЕ БЕЗОБРАЗИЯ В НАРПИТЕ И З. Р. К.

Система обвеса, обсчета, халатности и грязи,
Это ли, товарищи не безобразие?
К ответу тех, кто срывает наш труд!
Пусть скажет свое слово пролетарский суд.

(Верблюд в заводском рабочем кооперативе СТЗ).

Довольно много лет живу я,
Но я предполагать не мог,
Что иногда верблюд, как «бог»,
Откалывает плясовую.

Гляжу, остолбенев, кругом,
А тот под жаркую трехрядку
Знай шпарит предо мной в присядку,
Да так, что только пыль столбом!

Когда ж, брякнувшись всем телом,
Не смог он, вставши, сделать шаг,
Со мною на скамейку сел он
И, отдышавшись, начал так:

. . . .

Я весел. Счастье-то какое!
Нет меры счастью моему.
Сам не пойму я:
почему
Я был вчера обеспокоен?

Теперь, как никогда, я жив.
Я на заводе три недели —
И не обследовал доселе
Заводский кооператив.

Сегодня я зашел в нарпит.
Какое дивное раздолье!

Какой покой верблюжьей доле,
Какой густой верблюжий быт!

Скажу, от радости растаяв:
Среди имен моих друзей
Одно мне имя всех милей:
Сергей Василич Ермолаев.

Пять орденов ему подряд
Я дал бы за его работу.
Его машина по обсчету
Зовется кем-то «аппарат».

Людей до черта в аппарате.
Зато состав его каков!
Шпаны, лишенцев, кулаков
Не перечесть в раздутом штате.

Здесь принесла бы много зла
Обыкновеннейшая чистка.
Но до состава здесь дорвись-ка!
Нет даже личного стола.

Мы промтоварами богаты.
Но сколько полок сплошь пустых!
День — по талону,
                Два — без них.
Глядишь — товар уплыл куда-то.

Вот получается новинка,
Но Ермолаев дал приказ —
И то, что прибыло для нас,
Вдруг выросло на полках рынка.

Наценок вам давать нельзя.
Распоряженье было злое.
Но в лавках все мои друзья
Набавили на цены — вдвое.

Учет на ять. Судебной кары
Не убоялся тут никто.
— Ты сколько получил товара?
   — Вагонов двадцать... может, сто...

А в лавках — подлинная ловля
Того, кто разумом ленив.
Иной раз кооператив
Похож на частную торговлю.

Пойди найди у них концы!
Обсчетов — тьма, наценок — масса.
Во многих лавках нету кассы
И получают продавцы.

Ларечек номер 117
Переиначить счет готов.
За арифметикою гнаться
Взялись Гуревич и Козлов.

Конечно, нет им интереса
Всегда давать всю норму вам.
Они дают на тыщу грамм
Сто восемьдесят недовеса.

На кассу взгляд свой нежно бросим.
Привет воинственной братве!
Продукты стоят двадцать две,
А платят люди — тридцать восемь.

Один ларек с тобой затронув,
Пойдем в другие. Красота!
Липилин, Школьников, Антонов,
Не сходят с моего поста.

Обвес, обсчеты без конца.
На крупный сахар нежно глянув,
Шесть кило выдал Сарафанов
Жене другого продавца.

Ну, как не радоваться ныне?
Отсрочен смертный мой конец,
Где Сарафанов продавец?
Где?
        В комсомольском магазине.

Так вежлив тут народ проворный!
Заборных книжек не найдешь,
Зато уж ругани заборной
В любой лавченке — сколько хошь.

Ох, книжки доставать приятно!
Сто резолюций принеси —
И все же стой, моли, проси,
Ходи туда, ходи обратно.

Я в магазине был вчера лишь,
Все склады там забиты сплошь,

На полках воздух лишь найдешь,
А там, внутри, на складе, залежь.

В работе сон, в работе сплин,
Но, чтоб блеснуть, они елозят:
Сто раз товары перевозят
Из магазина в магазин.

Теперь займемся делом новым,
Хотя оно, как мир, старо.
Ты отточи свое перо:
Мы подойдем с тобой к столовым.

Я признаю, что я не очень
Силен в теории пока,
Но думаю, что ЗРК
Обязан помогать рабочим.

Но ЗРК патент верблюда
Берет, завода не спросясь.
Что первое в столовых?
                                        грязь.
Втрое?
                    Очередь на блюда.

Ваш ЗРК торгует бойко.
Он мог бы... грязью торговать!
Пойми,
                    в столовой 45
Под полом
                    грязная помойка.

Администрация поет:
— Приятно кушать здесь ребятам,
Когда их снизу обдает
Таким чудесным ароматом.

В столовой комсомольцев — гам.
От грязи некуда деваться.
За вывоз ямы платят там
Не очень много... тысяч двадцать!

Им жаль затраты ерундовой.
Ведь комсомольцы так хитры!
Канализация в столовой
Им обошлась бы, право слово,
Всего лишь тыщи полторы.

Не понимаю ни бельмеса.
Продукты без конца везут,
Но им учета не ведут,
И принимают их — без веса.

Столовые у вас — для класса.
Но ЗРК не ваш полпред.
Где пункт рабочий — мяса нет.
Где нет рабочих — горы мяса.

Все нараспашку! — лозунг дан.
Продукты в складе все открыты.
Ну, что такое таракан?
Не более, чем мелочь быта.

Вот вам столовая 15.
Конечно, есть котел для всех.
Но все в котел — ведь это смех!
Ведь надо ж кой-кому питаться.

Рабочий всем, бесспорно, дорог.
Но там, в столовых, счет упрям:
В котел — сто десять килограмм,
А описано в расход — сто сорок.

Тут психология простая:
Питай других, но и себя.
Так действуют, себя любя,
Двадцатая...
двадцать шестая...

Обследуя ваш ЗРК,
Бригада «Правды» очень мило
В какой-то кладовой открыла
Запрятанные два свертка.

В одном — запасы рафинада.
Ну, разве сахар это зло?
В другом же — колбаса, что надо:
Всего по весу два кило.

Но эти цифры очень жалки!
В столовой восемь — счет на ять.
Там у уборщиц в раздевалке
Сыр спрятан... фунтов тридцать пять!

Контроль в столовых — нуль зловещий.
Ох, развелись же тут нули!

Нашли запрятанные вещи,
А их хозяев
не нашли.

Скривился я, обед отведав.
Эх, всем бы вам понять пора,
Что вам нужны творцы обедов!
Кухонные профессора!

С питаньем часто тяжело ведь.
Не все приходится нам есть...
Но можно из того, что есть,
В сто раз вкусней обед готовить.

В систему здесь ввести сумели
Обманы, грубость, грязь, обсчет...
Я фактов дал наперечет,
А их до черта в этом деле.

Но все же главная прореха,
Я знаю, для тебя не тут.
Сейчас поведает верблюд
Что делают в столовых цеха.

Себя же перекрыть сумели
Тут расторопностью своей.
Нигде не видел я доселе
Таких больших очередей!

Кто всех нужнее? Третья смена.
Ей прежде всех давай обед!
Но третьей смене неизменно
В столовых цеха — пищи нет.

Работники сообразили,
Как справиться с кормежкой им:
Поэтому цеха кормили
Два месяца одним вторым.

Заботливости много тоже.
Ну, просто беззаботный рай!
В столовых цеха — нету ложек,
А ругани — хоть отбавляй.

Какая дивная картина!
Ваш ЗРК мне всех милей!
Теперь поймешь ты в чем прчина.
Лихой камаринской моей.

Он прост, секрет моей присядки,
Моей веселости секрет.
Ваш ЗРК завел порядки:
В поселке даже чайной нет!

Знать, на шестую пятилетку
Фанеры даст ваш ЗРК
Для стройки чайных...
                а пока
Дуй за водою на Мечетку!

Молчат товарищи, как рыбы.
Контроля жаждете? Изволь.
Ну, хоть бы женщин привлекли бы
Себе и в помощь и в контроль.

Меня так часто горе гложет,
Рука рабочего крепка.
Но я гляжу на ЗРК
И думаю: он мне поможет!

Нет места для верблюжьей боли.
О, благодатный ЗРК!..
Ну, это все.
        Поспать мне, что ли?
Пойду-ка отдохну...
        Пока!

. . . .

Верблюд ушел.
        Иду в бригаду,
Сжимая крепко кулаки...

Могучие большевики
Подымут кулаков громаду
И грянет грозная беда
По головам торговцев милых!
Мы раздавить преграды в силах!
Я жду! Я требую суда.

И будет приговор суров
И дело мы исправим живо
И руки кооператива
Помогут пуску тракторов.
И массы помогать нам будут,
И будет наша власть крепка...
А заправил из ЗРК —
Отправим
        прямо в пасть верблюду!

Постановлением заводского парткома Ермолаев снят. Правление ЗРК распущено. Начато следствие на основе фельетона «верблюда». Виновные немедленно будут сняты и преданы суду. Суд устроить массовый, показательный. Выделить в цехах, по избранию рабочих представителей в ЗРК, привлечь рабочих к наблюдению за цеховыми столовыми. Принять меры по привлечению женщин в контроль над кооперацией. Немедленно создать в поселке чайные. По материалам, вскрытым рейдами ударников «Правды», ряд работников кооперации и столовых, виновных в различных преступлениях, были арестованы.

ДО СВИДАНЬЯ!

Класс! Партия! Союз наш! Вам
Суровый труд поэта отдан.
Я к новым ринулся боям.
Сегодня я причал отдам,
Прощаясь с тракторным заводом.

Я посылаю свой салют
Героям тракторного мира!

. . . .

Перед от'ездом
на квартиру
Ко мне прикобылял верблюд.

— Ты уезжаешь? — он сказал.
— Ну, что же? Ладно! Чорт с тобою.
Зашился я с судьбой такою
И век мой, видно, очень мал.

Завод завел со мною спор.
Он побеждает в этом споре.
Теперь что день — то снова горе,
Теперь что час — то мне позор.

Удар суров. Напор силен.
Беда! Ну, разве это дело?
В бригады сунулся — влетело.
В цеха пошел — погнали вон.

Вот к сводке бросится верблюд
И мигом в обморок... Пять тысяч!
Я сам себя не прочь бы высечь,
Но все равно. И так секут.

Себе я выдам свой же орден.
Ведь горше нет судьбы такой...
(и слезы горькие рекой
катились по верблюжьей морде).

Друзей моих
громят,
крошат.
Чуть что —
колбаскою катись, брат!
Где вождь мой Малиновский?
Снят.
Завком РАТАП'а?
Переизбран.

Меня бригада поборола.
Во всем верблюд идет на дно.
Где
руководство комсомола?
Оно немедля
сменено.

Правленье ЗРК охаяв,
Ты распустил его тотчас.
Где,
где мой гений, Ермолаев?
Он
ликвидирован,
как класс.

Как это делается живо!
Верблюжьим темпам дан разгром.
Друзья из кооператива
Предстанут скоро пред судом.

Всего каких-то три недели
И от удара ваших рук
Три руководства полетели....
Как обоснован мой испуг!

Бригада «Правды» — вот где враг.
А давний злостный враг — Лапидус,
Уж этот парень вас не выдаст.
Он проверяет каждый шаг.

Другие подтянулись тоже.
Как выправляется завод!
Ударник в партию идет.
Ну, вот! На что это похоже?

Беда! Верблюду нет пути.
И комсомол наш делу двинул:
Имел три тыщи с половиной,
А ныне вырос до пяти.

Сбывается в заводе небыль.
Ведь массы силою полны
И те, кто в профсоюзе не был,
Теперь в союз вовлечены.

Как вы сильны! Напор ваш груб.
Меня ругают и поносят...
Сюда театры перебросят...
Уж начат стройкою яхтклуб...

Уже проснулась физкультура.
Уже затейник посмелел...
Не вынесет подобных дел
Верблюжья нежная натура.

И в ФЗС пришел рабочий.
Он двинул рьяно стройку школ.
Он непорядки там нашел
И отменил занятья ночью.

Жестоко выпороли БРИЗ.
Крепчает ваша дисциплина.
Я каждый день от горя стыну.
Хоть тут в могилу сам ложись!

Идет со мной большая драка,
А я слабею. Горе мне!
Изжили брак вы не вполне,
Но все же стало меньше брака.

Вы выполняете заданье,
Хоть перебои есть в цехах.
Ударник закрепил размах,
В цехах кипит соревнованье.

Все меньше места на заводе.
Где б я вполне владычить мог.
Вы срезали в короткий срок
Мои помещичьи угодья.

Растет и крепнет ваш Союз.
Мне уголки одни остались.
Но в них я, позабыв усталость,
Всенепременно закреплюсь.

Возьмем заводоуправленье.
Отдел снабженья, кадров, ОКС...
Вот погодите, дайте срок-с,
Я там начну воды движенье.

Всем им заране орден выдать
Своим полпредам я велел.
Эх, что за плановый отдел!
На день не в силах он предвидеть.

Там мне простор широкий дан.
И там печалиться мне рано.
Великие герои плана
Бесплановость возводят в план.

Отдел снабженья... стол заказов.
Вам нужных инструментов нет,
Ненужный же заказан сразу
На целых сорок восемь лет.

Видать, пробрались черепахи
В отдел инспекции... Пойми!
Кто член инспекторской семьи?
Сапожник,
        пекарь,
                парикмахер...

Отделу кадров — мой привет!
Я с ним добился бы победы.
Готовят там людей? О, нет!
Лишь жалованье и обеды.

О, производственный отдел!
О, место мягкое Мягкова!
Коленкой жесткою сурово
Ему кой-кто поддать хотел.

Но это ведь сплошной пустяк.
Что вам одной строки паденье,
Когда в заводоуправленьи
Монбланы папок и бумаг!

До чорта раздувают штат.
Все суетятся... Вот потеха!
В конторе гам.
                И лишь для цеха
Совсем негодный аппарат.

Вот этот милый беспорядок
Опорой будет мне служить.
Отсюда поведу я нить.
Нить уцелевших неполадок.

Пока еще и брак дают,
Прогулы есть, рвачи... чудесно.
Держись! Еще не сдох верблюд!
В любой прорехе я воскресну!

Ясна моя верблюжья цель.
Иду походом на Коммуну.
Чуть обнаружится где щель,
Я мигом голову просуну!

Ленивый, вялый темп даешь!
Дорога ваша камениста!
Итак.
          ты уезжаешь.
                    Что-ж?
Теряю я стенографиста.

Но я смогу, конечно, жить.
Не совладать со мной, стервозой.
Нельзя стихами говорить —
Поговорим хорошей прозой.

Езжай. Для нас ты непотребен.
Узнав, что ехать ты решил,
Сонм потерпевших отслужил
Свой благодарственный молебен,

Им подпевали, пламенея,
Герои нераскрытых дел.
Пускай! Ты вдарить не успел,
Другие грохнут не слабее.

Бригада «Правды» остается...
Партком на месте. Рок мой лют.
Напрасно из себя верблюд
Так долго корчил полководца.

Прощай пока. Велик Союз,
Но есть ведь отделения по[illegible]!
Едва верблюда позовешь [illegible],
Я мигом
                    в тракторный явлюсь.

. . . .

Верблюд ушел.
                    Но надо знать,
Что не добили это чудо,
Что появления верблюда
В любое время можно ждать.

Эгей, враждебные нам лица!
Навек должны запомнить вы:
Могу я даже из Москвы
Здесь на заводе появиться.

Врагов завода ждут удары.
Эй, вы, вредители труда!
Жестокой пролетарской кары
Вам не избегнуть никогда.

Еще немало неполадок.
Еще немало есть прорех.
Но хватит розог нам на всех,
Чтоб в деле навести порядок.

. . . .

Пора в поход.
                    В чудесном мире
Есть чудо.
                    Вот оно как раз!
Один желудок есть у нас,
А у верблюда их — четыре.

Чудесно, что ни говори!
Вниманье!
                    Наш верблюд — подлюга
Набил себе довольно туго
Из четырех
                    всего лишь три.

Чиня свой карандаш истертый,
Вопрос язвительный даю.
Ответьте все на мысль мою:
Кто
          вскоре
                    попадет в четвертый?

До свиданья.

2

СТИХОТВОРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

АТАКА

Невиданный брак разлагает завод х
И сходит на нет боевая атака.
Кто скажет нам адрес виновника брака?
Кто имя его, не таясь, назовет?

У каждого медленно входит в привычку
Валить на другого, на цех и на всех.
Нет! Только тогда будет крепок успех,
Когда мы и здесь прекратим обезличку.

Изжитие брака для нас торжество.
Да будет сильна боевая атака!
Давайте нам имя виновника брака, —
Бригаду и смену, как адрес его!

О ШИШЕЛЬНОМ И ШИШКАХ.

Товарищ рабочий
сказал мне пылко,
Язвы прорыва
грозно кляня:
— В шишельном
кто-то
день ото дня
Работу свою
загоняет в бутылку.

Он и не знал,
что сказав это слово,
Точно и метко
он оценил
Мощный
ударно-бутылочный пыл
Пьяниц
Щербино,
Черкасова и Фролова.

Будет!
Раздавим бутылочных блох!
В шею
ревнителей пьяных делишек!
Сколько бы ни было
в шишельном шишек,
Все мы их свалим
на головы трех.

Впрочем, неверно.
Совсем\ не одна ведь
Пьянка была
на работе
в цехах.

Значит, и прочим пьянчугам
на страх
Надо
порядочно шишек оставить.

Первая шишка,—
на голову тех,
Кто потакал
этой пакостной гниде,
Тех,
кто молчал,
это пьянство увидя,
Тех,
что молчаньем
позорили цех.

Помните, пьяницы,
этот рассказ!
Все мы работаем
без передышки —
И кулаков
стопудовые шишки
Будут
все время
готовы для вас.

P. S.

Да здравствует «Правды» могучее слово!
Мы лечим болячки труда на-ходу: —
Вчера пропечатано пьянство Фролова,
Сегодня же — пьяница предан суду.

Сразу же пришлось обратить внимание на отвратительную работу профсоюзного руководства. Правый уклон на практике характеризовал его работу. Бюрократизм и зажим самокритики нашли свое завершение в отказе предзавкома профсоюзов делать отчетный доклад в цехе и отказе голосовать отвод кандидатуры на профсоюзную конференцию. Партком предложил провести повторные выборы. Профсоюзная конференция разгромила руководство, пытавшееся «доказать», что в производственной работе их дело сторона и что они ни в чем не виноваты. Особенно досталось председателю Малиновскому, герою бюрократизма и отрыва от масс. Еще до конференции появился

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН МАЛИНОВСКОГО

Малиновый звон Малиновского
Перевыборная скоро,
А завком в цеха нейдет.
Поломался он
      и вот
Сладкой патокой течет
Их малиновый отчет:
— С нас, ребятки, взятки гладки,
Все спокойно, все в порядке,
Вы да мы, да мы, да вы,
Правых нет, а все правы,
Занимались люди делом,
Так да сяк, да в общем-целом,
Углубляли свой подход,
Согласовывали год,
Дали ход своей зарплате,
Бойко ставили печати.
Если-ж где была беда,
Это гадила всегда
Об'ективная причина...
В общем,
      жизнь не жизнь —
            малина!
Наш партком был терпелив.
Но, пред этим стоя дивом,
Дал он пару директив,
Перестав быть терпеливым.
В профсоюзное движенье
Волей властной вторгся он.
Там, в согласьи с нашим мненьем,
Чай с малиновым вареньем
Отменен.

ПРАВДА

БЮЛЛЕТЕНЬ № 6.

ПРОДОЛЖАЕТЕ БЛАГОДУШ

А кузница работает

Продолжаем работать плохо

Этом

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРАВДА

В ЛИТЕЙНОМ ЦЕХЕ СТЗ

БЮЛЛЕТЕНЬ № 10.

17-го мая 1931 года

ВЕРБЛЮДУ ХВОСТ ОТРУБИМ

ПОЗОР С ЛИТЕЙНОГО СМОЕМ

ВСЕ СДЕЛАЕМ

ДАЕМ 100.

Двигайте дальше

Ко всем рабочим литейного.

Растут ударники

Вопрос ребром

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

А

В МЕХАНИЧЕСКО-СБОРОЧНОМ ЦЕХЕ

29-го апреля 1931 года.

ЕЙЕР НЕРАЗБЕРИХИ

ВЕННОСТИ

ВОПИЯТ СТАНКИ

Через пару дней Малиновский принес «опровержение» в стихах. Оно было помещено со следующим ответом.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ В СТИХАХ.

Кто пил чай — я не знаю.
Где малина, где тот звон?
Безыменскому отвечаю,
Как виновных ищет он.
    Нет в цеху одной детали.
    Тут виновник цехкомитет,
    Качать воду перестали.
    Знать завком несет ответ.
Голубева приказанье
Не желают исполнять,
Нет в цеху единоначалия —
Цехком надо тут ругать.
    Да, товарищи! Уважаю
    Пролетарское перо
    И сказать тебе желаю,
    Раз залез уже в нутро.
В долгу стране... мы это знаем,
Не словом, делом обещаем
Дать потоком трактора.
    В письме путиловцы писали
    Порядку нет, что нужно нам признать
    Они нам помощь обещали.
    Помочь нам нужно, а не лишь ругать.

Малиновский.

Трепка Малиновскому за завкомовские грехи и за ужасные стихи.

  Ты снова увильнуть не прочь?
Нет! Не пройдет мура такая!
Твоя работа столь дрянная,
Что мы могли тебе помочь,
Лишь только яростно ругая.
  Ты снят с завкомовской земли?
Вот этим мы и помогли.

ПОЛУЧИ!

Мастер Дадеко обратился с письмом к заводоуправлению одного из южных заводов, предлагая услуги за «под'емные, проездные, багажные» для него и семьи, за квартиру не менее двух комнат и т. д., предупреждая, что расчет будет выдан за отказ от работы, ибо «это пишут всем, кто берет расчет».

Южный завод переслал письмо обратно на тракторный с пометкой: «На ваше рассмотрение. Нам летуны и рвачи не нужны».

Слишком длинна
        фамилия у человека,
Хоть об'явленье
        в «Известия»
                подавай....
Впрочем,
        мы сами
                фамилию Дадеко
Вмиг сократим
        на короткое
                дай!

Дай ему то...
        Подавай ему это....
Нет!
        Для рвачей
                беспощадность нужна.
Мощной
        и хлесткой
                пощечиной ответа
Мы ему
        бросим
                кратчайшее:
                        — На!

О „СВЯТОМ ДУХЕ“ И ПРОГУЛЬЩИКЕ ВОРОНИНЕ.

Ударим набатом!
Тревога! Тревога!
О грозной опасности
скажем вслух.
Вчера
делегатом
прогульного бога
Пришел на завод
«святой дух».

Рабочий
в напоре своем
непреклонен,
Готовя путиловцам
тракторный ответ.
Но где же
рабочий кузнечной
ВОРОНИН?
Его на работе,
конечно, нет.

Но мы говорим
о невиданной вести,
О чуде божественном
мы говорим.
Рабочего нет —
а номер на месте,
На доску
повешенный
«духом святым».

Божественный «дух»
увидать бы не худо,
Чтоб в нем воспитать
уваженье к труду.

Давайте раскроем
прогульное чудо
И быстро
предявим
советскому суду.

Рабочая воля
верна и крепка.
Каленым железом
мы выжжем разруху!
Давайте
ударом
рабочего кулака
Вышибем дух
из «святого духа».

27 мая спущен был с конвейера пятитысячный трактор. Этому предшествовала напряженнейшая работа по мобилизации всех рабочих на борьбу за пятитысячный.

ПЯТИТЫСЯЧНЫЙ СНАРЯД.

Пять тысяч...
Что это?
Число?
Нет.
Это воли нашей знамя,
Которое
старье сожгло,
Из искры
превратившись
в пламя.

Пять тысяч —
голос дней труда,
Подобный
музыке
и грому.
Пять тысяч —
это смерть былому,
Дождавшемуся
суда.

Пять тысяч —
это мощь станка,
Наш путь
борьбы
и достижений.
Пять тысяч —
большевистский гений,
Преобразующий
Века.

Земля!
Как ты
была стара!
Страна
тебя омолодила.

Пять тысяч —
    это наша сила!
Пять тысяч —
    это трактора.

Так пусть же
    прогремит
        число,
В котором жизнь,
    сердца
    и нервы.
Пять тысяч
    тракторов
        сошло —
Да здравствует
    Пять тысяч первый!

День полон
    тракторной войной.
Ого!
    Наш путь
        Лишь только начат!
Дано пять тысяч —
    это значит
Что завтра
    нужен
        темп тройной.

Дано пять тысяч —
    значит, надо
Нам выжечь лень,
    прогулы,
        брак.
Нет послабленья,
    нет пощады
тому кто производству враг!

Дано пять тысяч
    не как чудо,
А нашей воли
    торжество.
Даешь работу!
    Смерть верблюду
И всем
    лазутчикам
        его!

Мы,
    тракторные военведы,
Дадим
    потоку
        полный ход,
Чтоб этот
    сверхударный
        год
Был годом
    радостной победы,

Чтоб
    каждый день
        мы были рады,
Что нами
    темп могучий дан,
Чтоб
    от декады до декады
Мы вдвое
    превышали
        план,

Чтоб
    ежедневно побеждая,
Пройти
    все тридцать шесть декад,
Свои
    пять тысяч
        превращая
В пятьдесят.

НАБРОСОК ТЕЗИСОВ К ПЕРВОЙ ЗАВОДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОВЛАДЕНИЮ ТЕХНИКОЙ.

Воинственный миг
нетерпением полня,
Рабочий волнуясь,
берет рычажок —
И разом
удары
невидимых молний
Пронзили
волненьем
его и станок.

Запел «Ингерсолл».
Эта песня — простая!
Торжественен труд
и размах наш
велик.
Но громом пронесся
и тотчас растаял
Могучей громады
неистовый
крик.

Стою и гляжу,
от тоски каменея.
Убит человеком
станковый разбег.
Ведь, если станок
человека умнее,
Где ум твой,
где сила твоя,
человек?

Молчит «Ингерсолл»...
Громыхающим словом
Он в песню завода
вплетаться бы мог.
Но кто-то слепой
мановеньем суровым
Вонзил ему
в горло
мертвящий клинок.

Я холодно глянул
в глаза человечьи.
Я с гневом сказал
человечьим глазам:
— Слепец!
Ты виновен
в станковом увечьи.
Пойдем-ка
со мной
по гремящим цехам.

Спроси у товарищей:
— Сколько на сотню
Умеет
«на ты»
говорить со станком?
Спроси,
как зовется в заводе
работник,
Коль он
со станком
со своим
незнаком?

Гляди.
Вот рабочий.
Растерянным взглядом
Он ищет,
он просит,
он помощь зовет.
А этот,
который работает рядом,
Он знает станок,
но не знает завод.

Вот сотня людей.
Боевые ребята!

Но, как им расти,
ну, скажи мне,
скажи?
Из них
шестьдесят,
как слепые котята,
Совсем не умеют
Читать
чертежи.

Пусть будет
в неистовстве
голос твой громок.
Рабочие деньги
имеют свой счет.
А ну,
подсчитай
эти сотни поломок?
Четыре миллиона
угробил завод.

Вот ты у станка.
Ты детали даешь нам.
Но, если
ты гайку
не дашь тракторам,
То, будь хоть завод наш
стократнее мощным,
Он будет стоять
на потеху врагам.

Пусть грянет,
как молния,
мысль боевая.
Ее нам
давно уж
усвоить пора:
Хотя бы
ничтожную гайку давая,
Не гайку
ты делаешь,
а трактора.

И, чтобы любому
работать, что надо,
Нам надобно знать
И станок
и завод,

Задание дня
        и науки громаду,
Любую деталь
        и теории ход.

Мы мира владыки.
        Невиданный эпос
Творит
        наша партия!
                Каждый из нас!
Мы жизни владыки.
        Но техники крепость
Пока что
        не взял
                побеждающий класс.

За технику в битву!
        в атаку на знанья!
Любая минута
        для нас дорога.
Ведем мы
        всемирное
                соревнованье,
В котором
        должны
                победить врага.

Чтоб долю врага
        наше дело прожгло бы,
Чтоб мира владыкой
        рабочему стать,
Огнем ежедневным
        упорства и злобы,
Работы,
        исканий,
                борьбы и учебы
Крепости техники...
                ВЗЯТЬ!

БУДЬ ГОТОВ
В целях СТЗ
25 мая 1931 г.
№ 1 (3)
ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ПЛОХО РАБОТАТЬ.
ОТЦА.
СЧЕТА.
ПРЕДЪЯВЛЯЕМ.
Завтра в 10 вечера снять с конвейера 5-титысячный ТРАКТОР.
ОТВЕТ КОНКРЕТНЫМ ДЕЛОМ
на обращение пионеров московского завода им. Ф. Дзержинского.
К борьбе за рабочее дело Всегда готовы!
Дорогие товарищи!
Верблюд обследует БРИЗ
Рассказ верблюда о состязании с трамваем
ОБРАЩЕНИЕ

3

АРТИЛЛЕРИЯ ПРОЗЫ

ПЛОХО РАБОТАЕТЕ, ТОВАРИЩИ!

(Выступление на активе комсомола Сталинграда 12 мая).

— Я в комсомоле 14 лет. Много видел я комсомольцев — и отдельных героев и отдельных прорывщиков. Видел массы комсомольцев, участников борьбы на фронтах военных и производственных. Я должен сказать вам, и комсомольцам тракторного, и комсомольцам всего Сталинграда, что вы работаете плохо.

— Я удивлен, почему рядом с докладом директора завода не было содоклада заводского комсомола? По-моему, комсомол тракторного должен был выступать не в порядке прений, а в виде содоклада. Притти и доложить: сколько прогульщиков вы осудили, сколько героев по-настоящему наградили, сколько деревьев вами посажено на территории задыхающегося в пыли завода, сколько лодок сделано вами для развлечений и спорта рабочей молодежи. Сколько табелей вы окомсомолили, сколько бараков очистили, сколько ударных пролетов создали, сколько оперативно-плановых групп оживили, сколько неграмотных обучили, как налаживаете сквозные, сколько сеансов кино наладили, какие игры выдумали, как поставили план, учет, контроль.

Товарищ Грачев в своем докладе, конечно, рассказал не все. Тов. Грачев не сказал о правых делах профсоюзной организации, о безработной работе БРИЗ'а, о слабой работе комсомола. Завод на всех своих участках работал плохо. Работает он плохо и сейчас. Тов. Кучмин снял с одной табельной доски 6 номеров, но мог бы снять 60, мог бы снять 600, все равно никто ничего не увидел бы. На заводе только два месяца тому назад узнали, сколько имеется рабочих. Сколько-же рабочих фактически выходит на работу — этого на заводе не знают еще и до сих пор.

И если плохо работали вообще, то особенно плохо, ужасно плохо поставлена на заводе культурно массовая работа. Я встретил вчера двух молодых рабочих Один из них великолепно играл на гармошке, другой пел куплеты. К сожалению, я не мог с ними поговорить, так как они не в состоянии были говорить со мной ни на одном языке, кроме матерного, они были пьяны. Мы, конеч-

но, клеймим таких рабочих. Но что сделали вы для того, чтобы перетянуть этого гармониста и этого куплетиста на свою сторону, заставить их играть и петь на наш лад? Этой стороне дела мы уделяем преступно мало внимания.

Комсомол тракторного очень мало проявляет инициативы в области развития культмассовой работы. Волга в двух шагах, какую бы станцию, чорт возьми, мог бы комсомол оборудовать, но этого, к сожалению, нет.

Хороший почин сделан на заводе — это организация производственно-бытовых коммун. Но на эти коммуны мало кто обращает внимания, мало кто их поддерживает, мало кто их развивает.

Ленин говорил: «как мало у нас травли негодного и показа хорошего». Эти слова Ленина особенно касаются сейчас массовой работы на тракторном.

Сегодня на тракторном получено письмо пионеров московского завода им. Дзержинского. Они предлагают, чтобы пионеры тракторного расклеивали плакаты на домах прогульщиков, разбрасывали листовки, участвовали в бригадах и т. д. Почему это не проводится на тракторном? А ведь это так просто, стоит только взяться. Почему на тракторном не организовано массового показательного суда над прогульщиками? Почему на тракторном не поставлен ни разу отчет той или иной худшей или лучшей комсомольской бригады?

Почему сталинградский комсомол до сих пор не оказывает никакой помощи тракторному по линии культурно-массового обслуживания рабочих? Разве не нашлось-бы у Сталинградского комсомола физкультурников затейников? Комсомол Сталинграда должен знать, что всякая его помощь тракторному есть политическая работа. Комсомол Сталинграда должен оказать тракторному максимальную помощь во всех областях работы.

И последнее, что я хотел сказать, это об учебе. Помню, на третьем с'езде комсомола выходит на трибуну т. Ленин. Зная его как вождя мирового пролетариата, как человека с мировыми масштабами, мы думали, что этот человек сейчас гаркнет: «Чемберлены! Макдональды!..» А он, этот человек небольшого роста, спокойно сказал:

— «Учитесь».

Товарищи комсомольцы, Сталинграда! Вы плохо учитесь, плохо работаете. А надо работать так, чтобы комсомол был действительно достоин звания коммунистического.

Газета «Резервы».

ПЯТИТЫСЯЧНЫЙ СОЗДАН.

РАСЧИЩАЙТЕ ПУТЬ ПУТИДЕСЯТИТЫСЯЧНОМУ. ДОБЫВАЙТЕ ЕГО ЕЖЕЧАСНО, ЕЖЕМИНУТНО.

(Речь на ночном митинге сборки, посвященном выпуску пятитысячного трактора).

Что сказать мне вам, товарищи социалистические именинники? Глядя на ваши лица, хочется мне танцовать от радости, здесь, на руке пятитысячного трактора. Нет! Вернее, хочется мне самому взять его на руку и показать вам, его создателям.

Товарищи! Разве это простое механическое сцепление частей? Разве трактор это только машина? Нет! Воля, сердце, ум, чувства и мысли всех нас и каждого из нас вложены в него! Эй, товарищ Павлов! И ты отлит в этом тракторе. Товарищ Кириллова! Ты здесь, в нем. Товарищ рабочий! Этот трактор — воплощение твоих творческих усилий, вливающихся в работу партии, класса, страны. Рабочий, создавший гайку, винт, болт, шестеренку, блок, мотор, создавший любую частичку этой машины, разве он делает только эту деталь? Нет. Он делает и весь трактор, точно так же, как, делая и деталь и трактор, он делает свой план план завода, пятилетку страны, социализм пролетариев всех стран. В этом мощь нашего дела, это и создает неизмеримую величавость и значительность наших побед.

Пятитысячный создан. Он дрожит подо мной. Он рвется в поля, ибо знает, чего он хочет, знает для чего создали его рабочие Сталинградского завода.

Там,
где раньше
махновцы топали,
Там, где ветры
свой спор
вели,
Ходит
медленный трактор
по полю,

Как хозяин
    и вождь земли.

Племя тракторов!
    Путь ваш
        не короток!
Вы не только машины
    в полях.
Вы —
живые полпреды
        от города,
Агитаторы,
Учителя.

Вы пройдете
    рядами бурливыми
Всю страну
    из конца в конец,
Чтоб
    сметая
        межи между нивами,
Раздавить
И межи меж сердец.

Мы окрепли
    колхозною новью,
Переделать
    всю землю
        взялись.
На полях
    стало
        плотью и кровью
Радостное слово:
Социализм.

Пять тысяч ваших тракторов — это пять тысяч невиданной красоты букв в великой поэме «Социализм», которую творит пролетариат под руководством партии.

Но, товарищи! За стенами этого цеха — великая страна. Она глядит на вас. Она хочет кое-что сказать вам. Что же говорит она, страна?

— Спасибо! — говорит она и тут же добавляет:

— Мало!

Мало! — повторяет страна, и она права. Она имеет право требовать от вас большего. Она ждет от вас большего — и требует ответа.

Как же вы ответите ей?

Вот сейчас, вот сию секунду, если вы повернетесь, вы увидите длинную ленту большого конвейера, жадную до работы и требовательную, как наше наступление. Пятитысячный спущен. Глядите все! Там, за ним, стоит пять тысяч первый, второй, третий. Они тоже торопятся. Им некогда, как некогда стройке нашей. Берите нас! — требуют они.

И если вы умеете предвидеть, — а большевики умеют предвидеть, пролетариат умеет предвидеть, — вы почувствуете, что там, вдали, по той же ленте движется тень пятидесятитысячного трактора. Пятидесятитысячный еще жаднее, еще требовательнее. Расчищайте ему путь! Добывайте его ежеминутно! Делая гайку, болт, блок, заводя мотор, создавая и детали и трактора, рвитесь мыслью к нему, пятидесятитысячному, помните, что своим и маленьким и грандиозным делом вы создаете великий «праздник пятидесятитысячного», который явится праздником всей страны.

Это осуществится, ибо это говорят большевики.

Это осуществится, ибо пролетарии этого хотят.

Сегодня
мы здесь
говорим:
— ЭТО БУДЕТ!

Рабочие
мигом
ответят нам:
— ЕСТЬ.

О ГОРДОСТИ И РАДОСТИ БОЛЬШЕВИКОВ.

(Речь на первой заводской партийной конференции по овладению техникой).

Выступая перед самым закрытием нашей конференции, хочется мне вам, товарищи, сказать несколько лирических слов, сказать не потому, что я поэт, а потому, что я большевик.

Мы, большевики, творящие невиданный эпос построения социализма, вместе с тем и лирики. Мы лирики классового действия, лирики развернутого социалистического наступления, лирики реконструкции мира, в пламени и грохоте которой идет реконструкция чувств.

Мы, большевики, не сантиментальны в боях. Жестская классовая схватка принуждает нас очень часто поступать жестоко по отношению к вещам и людям.

Мы, большевики, не сантиментальны и в победах. Слово «умиление» не существует в лексиконе наших чувств. Слово «гордость» — это да. Мы гордимся нашим делом, гордимся успехами его, ибо они, эти успехи, освобождают все человечество от гнета капиталистического строя. Слово «радость»—это тоже да. Мы радуемся каждому достижению нашей работы, радуемся и своему личному достижению, если оно вливается в поток работы всей социалистической страны, в поток победного продвижения социализма пролетариев всех стран.

И сейчас я хочу поделиться с вами своей радостью и гордостью, ибо это есть наша общая радость и гордость.

Вот кончается заводская партийная конференция по овладению техникой. Я не сомневаюсь в том, что вслед за ней последуют такие же районные выборные партийные конференции, областные, краевые, всесоюзные. Но остановимся на ней, нашей.

Товарищи! Эта конференция является первой в истории человечества. Это не слова, это непреложный факт. Первая в истории человечества! Выборных партийных конференций по овладению техникой еще не было. Мы провели действительно первую из них. Это ли не дает нам право на радость и гордость?

Но, товарищи! Разве один смысл сочетания слов названия нашей конференции не способен наполнить сердца подлинным востор-

гом? П а р т и й н а я конференция по овладению т е х н и к о й. Небывалое сочетание, небывалый факт. Какой путь борьбы и побед должны были мы пройти, чтобы создать это сочетание, этот факт!

В самом деле. Партия! Это ведь подполье, баррикады, Красная Пресня, Смольный, разгром Колчака и Врангеля, это угроза восстания против буржуазии всех стран и наций...

Техника! Это ведь предмет владения немногочисленных лиц, на то поставленных; инженеров, мастеров, техников...

И вот пришли люди из цехов Сталинградского тракторного завода, люди, еще озабоченные нехваткой воздуха для литейки или детали № 173 для механосборочного, вот пришли люди из бригады «Правды», приехали люди с «Путиловца», с Автостроя, с Харьковского тракторостроя, и начинают связывать эти слова, эти понятия.

Впрочем, неверно. Началось это раньше.

Давайте вспомним вместе с вами, как вышел на трибуну восьмого всероссийского съезда Советов человек, вождь и товарищ, создатель партии и гений созданный ею, и сказал:

— «Мы имеем перед собой результаты работ государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан... На мой взгляд, э т о — н а ш а в т о р а я п р о г р а м м а п а р т и и... Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии».

В осуществление этой второй программы партии ведем мы дело электрификации, индустриализации и коллективизации нашей страны, развивая и укрепляя в первую очередь тяжелую индустрию. Победа любого пункта второй программы партии есть победа первой программы обеих программ. Индустриализация и коллективизация проводятся нами через разгром правых, «левых», двурушников, право-«левацкого» блока, всех и всяческих уклонов от генеральной линии партии Ленина. Любой успех любого пункта второй программы есть шаг к всемирному социализму, конечной цели нашей борьбы и работы.

И когда, на основе наших побед и достижений, страна вступила в период социализма, вышел на трибуну другой человек, тоже вождь и товарищ, и сказал:

— Большевики должны овладеть техникой.

Вторая программа партии получила на новом этапе новый качественный смысл и вместе с тем стала конкретной, стала овеществленной в своих заданиях по отношению к стране, краю, области, району, заводу, цеху, отделению, станку, человеку.

В осуществление этих задач собрались мы с вами здесь. Первая заводская партийная конференция по овладению техникой провела свою работу.

И мне кажется, что, работая по проведению в жизнь обеих программ нашей партии, мы нашей конференцией, пусть с ошибками и срывами, но создали первые буквы второго устава нашей партии.

Второй устав партии—это требование к каждому коммунисту овладеть какой-либо отраслью техники. Второй устав партии—это требование к каждому коммунисту просмотреть то дело, которое он сейчас творит, с точки зрения задачи овладения техникой.

Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы возьмем крепость науки и техники! Мы рванемся в мир и жизнь для их завоевания и переделки, чувствуя ответственность, гордость и радость строителей социализма.

Давайте понесем эту гордость и радость дальше, претворим их в тройной напор нашего наступления, твердо помня, что любая буква обеих программ и обоих уставов партии звучит как «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

САМОЕ ГЛАВНОЕ

(Письмо с сталинградского тракторного)

Мобилизация пролетарской литературы об'явлена секретариатом РАПП. Целым ассоциациям и отдельным писателям будут даны задания по отображению героев стройки, по отражению размаха, противоречий, величия, конфликтов и побед социалистического строительства, людей и дел нашего времени.

РАПП — не клуб! Это армия слова,
а страна в наступленье идет,
и для времени боевого
нужен слов большевистский поход.

Чтобы осуществить задачи мобилизации, потребуются великое напряжение и огромная работа. Мы не боимся их. Мы жаждем их. Мы требуем от себя не меньше, чем требует от себя любой член партии и класса.

Но некоторые установки совершенно обязательны.

Жестоко ошибется тот писатель, который отведет себе роль благородного наблюдателя, а не включить себя всего в работу предприятия, на котором он будет, в работу всех его общественных организаций. Величайший вред принесет тот, кто будет противопоставлять один вид художественного оружия другому. Стихи, поэмы, рассказы, роман, эпиграмма, очерк, песня, лозунг, новелла, частушка, повесть,— кто смеет сказать, что одно должно исключить другое? Смешон тот, кто на войне не пользуется и трехдюймовкой, и пулеметом, и винтовкой, и наганом, и штыком.

Пролетарские писатели должны отобразить героев страны, заводы, выполнившие пятилетку, людей, награжденных орденами социалистического отечества. Нужно показать и Электрозавод, выполнивший пятилетку в два с половиной года, и любой завод, сегодня развивающий такие темпы, которые завтра дадут перевыполнение встречного плана. Нужно показать людей, получивших орден на Азнефти, и тех, которые завтра получат его, работая на заводе, сегодня ликвидирующем прорыв. Место пролетписателя — на заводах республики, героически борющихся за план, на ликвидации прорывов, на походе совхозов и колхозов, на любом

участке стройки, где в противоречиях, в победах и исканиях, через невиданный пафос, сквозь рогатки отсталости, сквозь конфликты старого с новым, путем свершений и достижений несут знамена большевистских темпов.

Сложность обстановки, рождающей героев, никак нельзя забыть. Новые люди слагаются в борьбе. Надо дать бешеный отпор непрошенному теоретику, провозгласившему недавно в клубе ФОСП: «Я буду писать о победах и достижениях, а о наших недостатках пусть пишут Замятины и Пильняки». Вся сумма тем и проблем реконструктивного периода должна быть в орбите творческого внимания пролетписателя, весь сложный, трудный, изумительный ход третьего года пятилетки.

С августа прошлого года работаю я с бригадами «Правды» на ликвидации прорывов. Днепропетровск и «Путиловец», Балахна и трампарк, Днепрострой и Сталинградский тракторный дали мне исключительный материал для создания больших вещей, поэм, пьес, романов. Но этот материал слагался, как и опыт его организации, из моей рядовой работы как большевика. Доклады об овладении техникой на Балахне никак не могу противопоставить руководству ночным рейдом ударников в Днепропетровске, стихам на Сталинградском тракторном, эпиграммам и песням на «Путиловце» или поэме «Трагедийная ночь» на Днепрострое. Массовая работа, доклады, беседы, организация ударников, конференции партии, комсомола, профсоюзов, суды над прогульщиками, премирование ударников шли рядом с обслуживанием всеми видами художественного оружия всех жанров проблем эпохи в целом и вопросв, встающих сегодня, вот сейчас, здесь, теперь же.

Книга моя «Стихи делают сталь» явилась предметом насмешек и громового негодования со стороны некоторых критиков, в чем они резко разошлись с оценкой рабочих масс заводов имени Петровского и «Путиловца». Я задумался над оценками. Я увидел, что стихи повлияли на массы литейного цеха — и я понял, что иду верным путем. Я слышал, как мои частушки перебивают влияние кулацких частушек, как растащили по строчкам стихи на эпиграфы, как цитируют на докладах стихи, эпиграммы и лозунги, как пионеры расклеивают их на домнах, станках, домах, папиросных и спичечных коробках, я увидел, как стихи выгоняют прогульщиков и рвачей, как они награждают героев, я увидел, что созданный мною верблюд служит символом отсталости в устах любого рабочего Сталинградского тракторного и мобилизует на борьбу с отсталостью, я увидел, какой напор вызвал в шишельном отделении полученный им «орден верблюда»,— и понял, что иду верным путем.

Это отнюдь не значит, что я предлагаю свой путь, как обязательный образец. Своеобразие индивидуальности писателя, своеобразие обстановки, его окружающей на предприятии, помогут

ему найти свое место в работе и свои методы работы. Но для себя я решил одно: всем, что имею, служу партии и классу, все виды художественного оружия применяю, работая на заводе социалистической страны.

Мобилизация пролетлитературы заново и по-новому ставит вопрос о творческом соревновании. Призыв ударников, меняющий не только лицо организации, но и ее работу, творческая мобилизация всех ассоциаций и отдельных писателей превратят лозунг «РАПП — на предприятия» в систему, при которой предприятие станет основной базой работы. Предприятие — это значит завод, совхоз, колхоз, шахта, железная дорога. Отсюда будут расти люди и произведения.

И последнее. На основе результатов творческого соревнования и споров последних лет идет в литературе своеобразный передел. Надо приветствовать этот процесс не меньше, чем постановление о мобилизации.

На основе последних решений партии, на основе данной партией единой литературно-политической линии, на основе постановления РАПП о мобилизации пусть растет и крепнет творческое соревнование групп (на базе общего для всех метода диалектического материализма, при неустанной борьбе за повышение качества произведений). Ни однообразия, ни штампа мы не должны давать, особенно в новом творческом походе. Я с радостью принимаю вызов товарищей (Панферова и других) и с радостью вызываю пролетписателей на соревнование. Давайте в конце пятилетки дадим партии и классу отчет делами и произведениями,— и я не сомневаюсь в том, что будет встречен и оценен негодованием тот работник литературы, который принесет горы деклараций и резолюций, но ни одного произведения, отображающего пятилетку.

Мобилизация пролетлитературы. Новая основа творческого соревнования. Новые творческие группы. Любовь и внимание ко всем росткам творчества, делающего дело партии и класса. Горячая кровь призыва ударников. Консолидация сил на основе решений партии и ее литературно-политической линии.

Пусть делают дело партии пролетарские писатели, работающие разными творческими методами, но об'единенные как большевики.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТИХИ ДЕЛАЮТ ТРАКТОРЫ.

В апреле нам, рабочим Сталинградского завода, краснопутиловцы бросили обвинение в том, что мы не выполняем программу по тракторостроению, не даем в достаточном количестве тракторы нашим совхозным и колхозным полям.

На это обвинение ударники тракторного завода ответили обязательствами в ближайшее же время добиться решительного перелома в работе каждого пролета, каждой бригады, каждого цеха. Мы дали обещание под руководством партийной организации добиться, наконец, выполнения программы и об'явили решительную борьбу с разгильдяями и лодырями, борьбу за укрепление трудовой дисциплины за повышение ответственности каждого рабочего и мастера.

В дни решительной борьбы коллектива за укрепление трудовой дисциплины, за выполнение плана нас обрадовала весть о том, что в эту борьбу включился наш большевик—поэт Александр *Безыменский.*

Сейчас уже есть достижения. Программа выпуска тракторов хотя и с напряжением, но изо дня в день выполняется. Сократилось количество прогульщиков, повысилась трудовая дисциплина. Помог нам в этом и тов. *Безыменский.*

Мы знаем *Безыменского.* Знаем его не как поэта — одиночку, оторванного от жизни рабочего класса, а как поэта — коммуниста, поэта — массовика, вместе с нами — с ударниками тракторного завода болеющего за каждую деталь, за каждый трактор.

Кто, как не он в нашей заводской газете, в цеховых бюллетенях, выпускаемых бригадой «Правды» своими стихами, своими лозунгами и эпиграмами бичует лодырей, разгильдяев, станколомов, бракоделов и прогульщиков.

Его стихи укрепляют трудовую дисциплину. *Его творчество помогает нам делать тракторы.*

Безыменский — наш поэт, поэт рабочего класса, лучший ударник советского союза борющийся за социализм.

Безыменскому наш привет!

От ударников 7-го пролета: Оперищев, Попов, Иванов, Калинин, Тарнов, Акатова, Таливцова, Иванюкова.

ПИСЬМО УДАРНИКОВ ТЯЖЕЛОГО ПРОЛЕТА.

Мы, ударники литейного цеха тяжелого пролета, смены т. *Муравенко*, отмечаем, что пролетарский поэт *А. Безыменский* помог нашему коллективу взять более высокие темпы в работе. Очень хорошо получается у него с верблюдом. Стихи т. Безыменского читают все рабочие, они крепко бьют по нашей неорганизованности.

Однако, мы ставим тебе, т. Безыменский, в известность, что шишельное отделение и после того, как ему преподнесен орден верблюда, еще не добилось ликвидации прорыва. Из-за несвоевременной подачи шишек тяжелому пролету, мы простаиваем часами благодаря чему не в состоянии формовать 60 блоков в смену.

Отмечая это, мы обращаем твое внимание на теплосиловую, так как она не обеспечивает нас воздухом. Частенько приходиться петь «Дубинушку». Опоки приходится переворачивать вручную. Это замедляет наши темпы.

Мы просим дать задание верблюду — обследовать теплосиловую и выяснить, куда девается воздух. До установки вспомогательных компрессоров в нашем цехе и при работе пескоструйного аппарата в кузнице литейный получал воздуха от 3 с половиной до 5 атмосфер давления.

С установкой добавочных компрессоров, с приостановкой работы пескоструйного аппарата мы полагали, что давление воздуха будет не ниже пяти атмосфер, на деле же получилось обратное. Мы получаем воздуха сейчас гораздо меньше чем до установки компрессоров. Мы уверены в том, что ты поможешь нам поднять давление воздуха до 5-ти атмосфер, а мы получим возможность выполнять свои обещания по формовке 80 блоков в смену.

ПИСЬМО 18-ГО ПРОЛЕТА.

Тов. Безыменский! Мы хорошо знаем, какую большую пользу ты приносишь своими стихами, работая на нашем заводе. Твой верблюд, твои эпиграммы, твои лозунги бичуют прогульщиков, лодырей и разгильдяев, бьют по беспорядкам и неорганизованности на заводе, заставляют рабочих честно, по-пролетарски относящихся к заводу, еще упорней, еще настойчивей бороться за массовый выпуск тракторов.

Мы уверены в том, что и впредь стихотворным огнем вместе с нами будешь бороться за укрепление трудовой дисциплины.

Тов. Безыменский! Ты нам помогаешь бороться за тракторы и мы искренно уважаем тебя.

По поручению ударников 18 пролета Колодежный, Лебедев, Руп, Саркис, Смирнов.

ОТ БОЛЬШОГО КОНВЕЙЕРА.

23-го мая производственное совещание большого конвейера очищалось от лодырей и отмечало лучших своих ударников. Производственное совещание единогласно постановило ударника бойца за тракторы Александра Безыменского наградить книжкой ударника.

Производственное совещание предлагает завкому РАТАП выдать ему эту книжку.

Тов. Безыменский — почетный станочник. 9 УДАРНОГО ПРОЛЕТА.

Приезд пролетарского поэта Александра Безыменского на наш завод был для нас большой радостью.

Верблюд Безыменского — это толчок за качество работы завода, за пуск его на полную проектную мощность, за бесперебойное поточное производство тракторов.

Стихи Безыменского принесли достижения нашему заводу. Наш пролет, идущий с удесятеренной энергией борется за перевыполнение производственной программы. Мы обязуемся к моменту снятия пятитысячного трактора дать в запас 5.000 деталей на конвейер.

Ударники 9-го пролета выбирают поэта-большевика Александра Безыменского почетным станочником и дают ему твердое большевистское обещание, что план выпуска 1.900 тракторов в мае сорван не будет.

Мы с еще большим энтузиазмом возьмемся за освоение техники, за образцовые количественные и качественные показатели.

Мы должны победить и мы победим. Пусть в этом будет уверен наш почетный станочник — поэт Александр Безыменский.

Ударники и ИТР ударного 9 пролета.

МЫ ГОРДИМСЯ ТОВ. БЕЗЫМЕНСКИМ.

Нашему пролетарскому поэту—книжку ударника!

Мы видим тов. Безыменского и днем и ночью в наших цехах и пролетах. Он помогает нам выполнять производственную программу. Его стихи действительно делают тракторы. Мы гордимся таким поэтом. Мы гордимся тем, что он наш — пролетарский.

Ударники 27, 28, 29 и 30 пролетов считают т. Безыменского передовым ударником в борьбе за программу. Поэтому они

ходатайствуют перед заводским комитетом выдать тов. Безыменскому книжку ударника.

Ходатайствовать перед ЦИК'ом СССР о награждении тов. Безыменского, лучшего передового ударника, орденом Ленина.

По поручению общего собрания
27, 28, 29 и 30 пролетов — Кубасов, Исаев.

Пролетарі всіх країн, еднайтеся!

ГРАМОТА.

Виконання зустрічного промфінпляну в 500.000 куб. м. бетону і штурмове завоювання середньої протоки е наслідки правильної лінії партії на індустріялізацію країни, наслідок героічної творчої активности робітничих мас, що виявилося в соціялістичних формах праці — соцзмагані і ударництві.

Ви тов. Безименьский, як кращий ударник, правильно засвоіли лінию партіі в справі індустріялізаціі країни, ви не лише показали приклади комуністичноі праці, а стали і організатором соц-змагання та ударніцтва, борючись за більшовицьки темпи, здійснюючи генеральну лінію партіі за проводом Ленінського ЦК.

Нагроджуючи вас грамотою за невтомну боротьбу, за здійснення зустрічного промфінпляну, пролетарьска суспільність Дніпрельстану певна в тому, що ви й надалі будете в перших лавах борців за «Пятирічку в чотири роки».

За проводом Ленінскоі комуністичноі партії вперед до дальщих перемог на фронті соціялістичного будівництва.

Дамо соціялістичній країні Дніпрельстан 1 травня 1932 року!

Хаї живе ленінець-ударник!

Хаї живе ВКП(б) — вождь світовоі пролетарскоі революціі!

Секретар парт. Осередку.

Голова робіткому

Начальник ГТ робіт.

Выдана по постановлению слета ударников Днепростроя.

ОГЛАВЛЕНИЕ